Юрий Валин

ТОВАРИЩ «МАУЗЕР»

Братья по оружию из будущего

Юрий Валин

Товарищ «Маузер». Братья по оружию из будущего

Серия «Выйти из боя», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3086195
Валин Ю. Товарищ «Маузер». Братья по оружию из будущего: Яуза, Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-54258-1

Аннотация

Новый фантастический боевик от автора бестселлеров «Самый младший лейтенант», «Самый старший лейтенант» и «Выйти из боя!». Новый разведрейд корректировщиков истории – теперь уже не на Великую Отечественную, а на Гражданскую войну. Однако операция в «кальке» 1919 года выходит из-под контроля – на разведгруппу из будущего охотятся и петлюровцы, и белые, и красные, и неизвестная спецслужба XXI века. Против «попаданцев» – инерция истории и беспощадные законы Вечности. На их стороне – лишь братья по оружию, скорострельный «господин Льюис» и верный «товарищ Маузер».

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 27
Глава 3 68
Глава 4 99
Конец ознакомительного фрагмента. 121

Юрий Валин
Товарищ «Маузер». Братья по оружию из будущего

Автор благодарит:

Сергея Звездина – за техническую помощь;

Александра Москальца – за помощь на «всех фронтах»;

Евгения Львовича Некрасова – за литературную помощь и советы.

Посвящается безвременно покинувшему нас городу «Х»

Автор убедительно просит считать все совпадения личных имен и географических названий не более чем совпадениями.

Глава 1

Бог не играет в кости.
А. Эйнштейн

Гаву! Вауууу! Вауууу!
Цуцик. Из размышлений о несовершенстве

Апельсин попался вкусный, сочный. Есть его на ходу было неудобно, – вторая рука была занята пакетом с продуктами. Катя отрывала дольки зубами и слизывала с пальцев сладкий сок. Нет, нужно бытовые условия налаживать. В служебную столовую вечно опаздываешь, а дома из всех достижений бытовой техники имеется один электрочайник, да и у того выключатель намертво скотчем зафиксирован. Газовую плиту зажигать рискованно, – травит, гадина, запах такой, что спичкой чиркнуть боишься. Квартиру другую снять, что ли? Жалко, привыкла к берлоге, да и к службе близко. Двадцать минут пешочком по московским меркам просто счастье. Служить-то всего два с половиной месяца осталось. Обойдемся и витаминами.

Катя сплюнула за парапет косточку. Шедшая навстречу пожилая дама посмотрела с осуждением. Возвращающаяся из парка парочка тоже оглянулась, девица пригородного вида, повисшая на руке кавалера, зыркнула с возмущением, – понаехали здесь разные, апельсинами чавкают, как у себя в Испаниях. Спутник суровой барышни глянул с иным чувством, – смотреть на Катю мужчины вообще чрезвычайно любили.

Посмотреть на Екатерину Георгиевну Мезину действительно было приятно. Красивая девушка. Безо всяких оговорок, красивая и яркая. Рост – сто восемьдесят. Светлые,

цвета выгоревшей соломы, волосы. Фигура хороша, скорее не подиумно-модельная, а спортивная. Темно-синие джинсы подчеркивали длину ног. Короткий черный топ не скрывал и иных достоинств. Но главным украшением любительницы апельсинов были изумительные зеленые глаза. Таким очам принято присваивать банальный эпитет «изумрудные» – ничего не поделаешь, действительно сияют как драгоценные камни. Яркую внешность Кати слегка смягчало вопиющее отсутствие косметики. Девушка явно пренебрегала мнением окружающих. Обута в поношенные черные «найки», единственный девичий аксессуар – мобильный телефон – выглядывает из кармана джинсов.

Девушка была яркой, но еще ярче сиял летний полдень. Заканчивался август. По обе стороны Крымского моста сверкала бесконечная, еще полупустая летняя Москва. Торчали стрелы строительных кранов над «золотой милей» Остоженки, лоснился необъятный купол главного храма страны. Зелень Нескучного сада казалась непроходимой чащобой. Ближе, у моста, громоздились неопрятные конструкции парковых аттракционов. Катя неодобрительно покосилась и в другую сторону, на усатого гиганта-легионера, балансирующего на утлом ботике. В тени царя-римлянина робко притаилось крошечное здание императорского яхт-клуба. Старый, «допетровский», вид на Стрелку нравился Кате с самого детства. Ну, где то детство? Где та Катька?

Несмотря на редкие, по нынешним временам, прибывшие

из-за океана классические джинсы и иноземную привычку лопать апельсины на улице, Екатерина Мезина являлась коренной москвичкой и свое детство провела в Замоскворечье. В последнее время урожденная москвичка многовато путешествовала и теперь затруднилась бы ответить, где, собственно, остался ее истинный дом. С мамой гражданка Мезина отношения давно не поддерживала, отец умер, бывшие одноклассники и однокурсники (Катя успела окончить первый курс педагогического института, о чем и сама сейчас вспоминала с искренним изумлением) вряд ли узнали бы молчаливую однокашницу. Пришлось девочке поплутать по миру. Довелось даже скоропалительно выйти замуж и почти так же мгновенно овдоветь. Поучилась Катя и на археологическом факультете одного весьма приличного заокеанского университета, до этого небезуспешно осваивала нелегкую профессию специалиста по адаптации, состояла помощником-советником при весьма высокопоставленной особе королевской крови. Все эти жизненные перипетии привели к одному неоднозначному результату – научилась девушка убивать. Профессиональным бойцом стала Екатерина Мезина и в настоящее время занимала штатную должность прапорщика-специалиста отдела «К» управления ГлРУ Министерства обороны РФ. Правда, в связи с урезанным сроком контрактной службы, звания прапорщика девушка не удостоилась. Всего лишь старший сержант, да и то «старшего» Катя получила всего лишь месяц назад. Впрочем, для по-

лугодового контракта рост по службе ощутимый. Через два месяца Катерина твердо намеревалась со службой заканчивать. По личным семейным обстоятельствам. Впрочем, начальство о сем намерении было уведомлено еще до заключения контракта. В отделе «К» существовали свои, нестандартные, правила внутренней службы.

В кармане требовательно завибрировал телефон. Катя шепотом выругалась, поставила пакет на тумбу и левой рукой выудила из кармана порядком ободранное средство связи.

– Чего?

– Счастлив слышать твой бодрый голос, – Александр Александрович говорил, как всегда, негромко. – Не в духе? Ты от конторы далеко?

– Виновата, на дисплей не глянула, – Катя слегка поубавила наглости в голосе, – вообще-то Сан Саныча, – майора, начальника отдела, она уважала. Хоть и начальство, но вполне нормальный мужик. – Случилось что?

– Срочно ко мне в расположение. Будь любезна, не задерживайся. Нас ждут.

– У меня сегодня выходной. Совершенно официальный, между прочим.

– Катерина, – Сан Саныч понизил голос, – тебе машину с посыльным выслать? Официально тревогу объявить? Не дури. Когда будешь?

– Через двадцать минут. У нас, что, война с Папуа – Новой Гвинеей приключилась?

– Практически угадала. Не задерживайся, – начальник отдела отключился.

Катя удержалась от искушения плюнуть вниз, – под мостом как раз проплывал прогулочный теплоходик. Вот тебе и выходной. Опять неудобное кресло задницей шлифовать. Хотя, раз срочно вызывают… Что, собственно, стрястись могло? Никаких текущих операций «К-акашка» сейчас не вел. Пара акций в стадии начальной разработки, до их воплощения еще далеко. Да и не дело старшего сержанта планы разрабатывать. Кому-то ведь нужно и сии гениальные прожекты в жизнь претворять, – вот для той последней стадии сержантов и откармливают.

Пакет с апельсинами Катя отдала дежурному на КПП.

– Уничтожить и доложить.

– Есть, товарищ старший сержант! – ефрейтор проводил девушку мечтательным взглядом. Сама товарищ старший сержант подозревала, что ее призрак ежевечерне вытворяет крайне неприличные вещи в воспаленном сознании истосковавшихся солдат-срочников.

Никакого ажиотажа в отделе «К» не наблюдалось. Программисты в комнате маршрутных вычислений бормотали на своем «птичьем» языке. Кабинет Полевого отдела был заперт. От лестницы, ведущей в полуподвал, доносился приглушенный стук костяшек домино, – прапорщики МТО

бодрствовали на боевом посту.

Катя стукнула в дверь начальника отдела, заглянула:

– Я прибыла. Чего делать?

– Приведи себя в порядок и доложи, как положено, – сухо сказал Сан Саныч.

Катя задумчиво отправилась в туалет, вымыла руки. Липкий апельсиновый сок перестал клеить пальцы. Суров начальник. С чего бы это? В кабинете еще один тип расселся. Похоже не из армейских. Скорее всего, научник. Или из финансистов, – эти бухгалтеры, что в форме, что без формы, вечно вот такими тюфяками в очечках выглядят. Может, «боевые» за прошлую операцию начислили неправильно? Вот будет геморрой – копейки возвращай, объяснительные пиши.

– Товарищ майор, повашемуприказаниюстаршийсержантМезина прибыла! – Катя попыталась щелкнуть кроссовками.

– Вольно, проходи.

Катя плюхнулась за стол напротив гостя. Круглолицый мужик подался вперед, откровенно оценивая скрывшиеся за крышкой стола бедра и приоткрытый коротким топиком живот девушки:

– Хорошая у вас в отделе форма одежды. Не жарко, и воевать удобно.

– Прошу прощения, – сказала Катя. – У меня выходной, все портянки выстирала и развесила сушиться.

– Не суть важно, – поморщился Сан Саныч. – Сразу поближе к делу. Завтра Выход. На сборы и прокачку остается – 18 часов 26 минут. Реквизит получишь не у наших дармоедов, – специальный человек подъедет, шмотки привезет. Размеры твои знает, не вскидывайся. Жаль, волосы у тебя не отросли.

– Да, с прической очевидный прокол, – поцокал языком гость, – анахронизм, однако. Нехорошо.

Катя ткнула в сторону незнакомца подбородком и поинтересовалась у начальника отдела:

– Стилист? Я и смотрю, личность удивительно знакомая, я его рядом с Сергеем Зверевым в «ящике» видела. Автограф можно попросить?

Гость заржал, и сразу стало понятно, что никакой он не финансист. По-волчьи веселится дяденька, гогочет, холодных глаз не щуря.

– Пора вам познакомиться, – сказал Сан Саныч. – Катя, это Виктор Иванович. Майор смежной структуры. Поступаешь в его распоряжение. Задача – оказать техническое содействие в процессе Перехода. Товарищ майор со спецификой «кальки» знаком сугубо теоретически. У него первый Переход.

– Виновата, – Катя смущенно опустила длинные ресницы. – Кажись, я тоже как в первый раз пойду. Интересно-то, жуть как! Может, не будем завтрего ждать? Сейчас и подскочим? Я только посикать сбегаю, и Прыгнем.

– Катерина, иронию отставить, – тихо сказал начальник отдела. – У нас 18 часов. Языком трепать некогда.

– Ясно, товарищ майор! Мы по принципу лотереи работать начали? Куда? Зачем? Что за суета? Кого наверху диарея прошибла?

– Все вопросы к товарищу майору. Ты в его подчинении.

– Ой! – Катя осторожно потрогала свой живот. – Кажется, я нездорова. Ой, прямо стыдно сказать. Это по женской линии. Вы уж меня простите, придется в госпиталь ползти. Разрешите идти, в смысле – ползти, товарищ майор? Или вам поподробнее о недомогании изложить?

– Виктор Иванович, вы извините, я товарищу старшему сержанту наедине скажу несколько напутственных слов. У нас тут, знаете ли, свои обычаи.

– Понял. Я как раз хотел к вычислителям зайти, – догадливо поднялся гость.

– Кать, ты окончательно оборзела, – грустно сказал Сан Саныч. – Что ты меня позоришь? Я же сказал – смежники. Тебе самой по барабану, так об отделе подумай.

– Отделу я месячный оклад пожертвую. В качестве компенсации. Пусть Сашка нормальные клавиатуры для машин купит. Оклада как раз на клавиатуры хватит.

– Ну да, ты у нас девушка обеспеченная. И как все обеспеченные бабы – жуткая стерва. Что ты в бутылку лезешь?

– Я лезу?! Сан Саныч, мы здесь все малость с «приветом»,

но есть же границы разумного для самого неразумного. Куда я с этим псевдоблизоруким кабаном пойду? Я его в первый раз вижу. Час назад кушала апельсины и думала вечером, как белый человек, телевизор посмотреть. Я же не самоубийца – с каким-то психом куда попало Прыгать. Ты же сам понимаешь…

– Понимаю, – начальник отдела вертел в пальцах красивый, кем-то подаренный карандаш. – Теперь ты меня послушай. Приказ спущен с самого верху. Идете в начало двадцатых годов. Срочно. С коррекцией даты на уменьшение. Подробности только майор знает. Я его первый раз вижу. Замминистра сказал, что этот Виктор Иванович – профи. В своей епархии, разумеется. Ты Игоря Николаевича знаешь, он только то, в чем сам стопроцентно уверен, до подчиненных доводит. Я пытался вякать, но… Да, дурдом полный. Отказывайся. Валяй, имеешь полное право. Действительно, глупо идти. Ты же умная девушка. Ты у нас зачем служишь? Я забыл или ты запамятовала? А Игорь Николаевич помнит. Намекнул. Знаешь, что такое «аккордная работа»?

– Знаю. Я в этом клоповнике скоро сама начну дедовать и дембельский альбом фломастерами разрисовывать, – пробурчала Катрин. – Значит, если вернусь, в полном расчете будем? Контора горбатого мне не слепит?

– Контора – не знаю, а Игорь Николаевич «прокидывать» не станет. И ты, и я его знаем. Помощь тебе окажут, как обещали. Только ты, Кать, не дергайся сейчас. Обсудим, най-

дешь вежливые разумные аргументы. Только в бутылку не лезь. Вежливо, доходчиво, опираясь на опыт предыдущих операций. Я тебе серьезно говорю. Непросчитанная операция хуже всего, что можно придумать. Сгинете. Здесь даже варианты экстренной эвакуации не предусматриваются.

– Сан Саныч, ты уж определись, идти мне или не идти?

– Катерина, не будь дурой. Как твой непосредственный начальник, я довел до тебя указание вышестоящего руководства немедленно поступить в распоряжение тов. майора. И никаких пререканий не потерплю. Как твой, хм, надеюсь, товарищ по службе, рекомендую уклониться. Отправляться в командировку с непроверенными людьми, не отработав боевое слаживание, дело действительно неразумное. На медосмотре ты что угодно симулировать сможешь, я тебя знаю. С другой стороны, девушка ты рисковая, и «очки» загрести тебе необходимо. Ты же не за деньги и не из любви к приключениям здесь служишь. В общем, решать тебе самой.

– Блин, что тут решать?! Нанялась, так отработаю. Только этот майор мне ни в …, ни в Красную Армию. Откуда его хрен принес?

– Смежник. Кать, я тебя убедительно прошу обойтись без мата, крика и прочей нецензурщины. У них в конторе не принято. Если мне за тебя выговор влепят, я как-нибудь переживу. Вот если отдел…

В дверь без стука просунулась крупная голова гостя, блеснула тонкими стеклами очков:

– Вы пошептались? Время поджимает.

– Да вы проходите, Виктор Иванович, – пригласил хозяин кабинета, – мы уже непосредственно к обсуждению деталей перешли.

– Это вы поспешили, – Виктор Иванович улыбнулся, продемонстрировав дорогие фальшивые зубы. – С деталями придется подождать. Екатерина Георгиевна все-таки решилась составить мне компанию?

– Приказ есть приказ, – пробурчала Катя, внимательнейшим образом разглядывая ногти.

– Замечательные, правильные слова! – восхитился гость. – Вы, Катюша, очаровательная девушка, я своего восхищения скрыть и не надеюсь, – Виктор Иванович уселся, взвизгнул ножками стула, поудобнее подвигаясь к столу, и ласково оглядел девушку. – Вы у нас нимфа, Диана-охотница.

– Тогда уж Геката, – поправила Катя, не отрываясь от созерцания ногтей.

– Ах да, вы же у нас почти дипломированный историк. Так вот, дорогая Катюша, кокетство вам идет, и выглядите вы восхитительно. Я, каюсь, вообще неравнодушен к женскому обаянию. Но если Там вздумаешь взбрыкнуть, – на первый раз пальцы поломаю, потом… потом еще хуже сделаю. Я, милая барышня, давний фанатик дисциплины. И страшный зануда. Усекла?

– Угу. Я, товарищ майор, приказы выполнять умею. Безопасность вам обеспечу, – и Прыгнем и Выпрыгнем благопо-

лучно. Но уж позвольте сразу уточнить: во-первых, за попытку склонить к сексу, не мотивированному обстоятельствами, я вам сама пальцы переломаю. Во-вторых, Катюшей меня называть не нужно. Куда естественнее будет – Екатерина Георгиевна. Или по-домашнему – товарищ старший сержант. Усекли?

– Понятно, – гость без стеснения продолжал разглядывать девушку. – Предупреждали, да и твое личное дело я полистал. Впечатляет. Но это не беда, познакомимся, так сказать, в процессе. Кстати, если тебе прямо сейчас резко наскучит мое общество, – как будешь действовать? Если чисто теоретически?

Катя глянула исподлобья. Тронуть можно под столом – пяткой в колено, кроссовки мягкие, – сустав гостя уцелеет. Потом на стол животом, зацепить за галстук, и ножичек к кадыку. Только готов к такому повороту дяденька. Улыбается кобелина, но ноги подтянул, да и пузо поджалось, – видать, там не только обильный жирок пластуется. Нет, номер не пройдет. Кроме грохота и разгрома казенной мебели, ничего путного из пробы сил не выйдет. Вот если бы по-взрослому…

– Если мне уж совсем приспичит, я попрошу разрешения выйти, – вяло сказала Катя. – Но вы, товарищ майор, не переживайте, меня почти и не тошнит уже.

– Вот как? – Куцая бровь Виктора Ивановича приподнялась в показном удивлении. – То есть глаза выдавить не по-

пытаетесь, мошонку не раздавите и даже ножичком по горлу не чиркните?

– Стол жалко, – меланхолично заметила Катя. – Вот компьютер новый только-только поставили. Да и вообще, резать старших по званию – дурной тон.

– Ой, мысль-то какая правильная, – Виктор Иванович умильно заулыбался. – А ножичек-то нужно получше прятать, – не в школу ведь ходишь. Взрослеть пора, спортсменка.

На взгляд Кати, складной нож, закрепленный клипсой с внутренней стороны джинсов, и так был недурно укрыт от посторонних глаз. По крайней мере, до сих пор никто инструмент не замечал. Зоркий хряк этот товарищ смежник.

– Катерина, какой еще нож? – не выдержал Сан Саныч.

– Да какой такой нож? – обиделась девушка. – Мне что, и прибор для маникюра не носить? – из-за пояса джинсов появился крошечный предмет размером с указательный палец.

– Позвольте, – Виктор Иванович открыл нож, кинул взгляд на чуть изогнутое серрейтерное лезвие. – А ты, Катерина Георгиевна, дорогими игрушками себя балуешь.

– Что же мне, ржавыми гвоздями ногти чистить? – поинтересовалась Катя, глядя, как начальник отдела молча забирает нож и прячет в сейф. Вносить в отдел «К» что-то кроме ключей и мобильных телефонов категорически запрещалось целым ворохом инструкций. Кате стало немного стыдно.

– Лады, познакомились, – гость улыбался своими непри-

ятно ровными зубами. – Ты, Катерина Георгиевна, теперь иди, отдыхай. Здесь у вас комнатка отдыха уютная, там и телевизор исправный имеется. Развлекайся просмотром новостей.

– Какие новости? Сейчас бразильский сериал начнется. Про любоффь. Я побегу. Инструктаж, как я понимаю, окончен?

– Детали уточним непосредственно перед отправкой, – ласково улыбнулся Виктор Иванович.

– Ты, майор, уж извини, что я вмешиваюсь, – Сан Саныч яростно ткнул карандаш в пластиковую пирамидку, – но вы что-то дружно в дурь прете. Я режим секретности оспаривать не собираюсь, но скрывать координаты от агента, контролирующего Прыжок, есть непосредственный и откровенный идиотизм. В нашем деле успех Перехода на две трети от компьютерного моделирования зависит. Еще треть – от интуиции агента. Тебе, Виктор Иванович, почему старшего сержанта выделили для сопровождения? Потому что у Катерины точность попадания 96,1 %. Это, хрен бы вас всех взял, лучший показатель за историю экспериментов. Перестаньте собачиться и театральную многозначительность разводить. Меньше суток до старта осталось. Что уж тут темнить? После старта Отдел мониторинг начнет вести. Всем личным составом узнаем вашу Точку с точностью до секунды.

– Да? – Виктор Иванович в сомнениях почесал подбородок. – Тут я что-то упустил. Вы на казарменном положении

будете?

– Разве такой приказ был? – удивился начальник отдела. – У меня двенадцать человек вместе с хозяйственниками. Нам здесь сгнить, что ли? Может, пока не поздно, стартовую площадку и вычислительный центр полностью вашему ведомству передать? А мы с удовольствием в отпуск рванем.

– У нас нет специалистов, о чем вы прекрасно осведомлены, – напомнил гость. – Так что выполнять задание, как ни крути, совместно придется. Я, между нами говоря, тоже не в восторге. Для агента действительно имеет решающее значение точная адресация?

– У нас, знаете ли, чаще говорят «координаты», – Сан Саныч показал в сторону шкафов, плотно заставленных разноцветными скоросшивателями. – Извольте убедиться, здесь данные за последние шесть лет. Мы на интуиции работаем, уважаемый коллега. Это во времена застоя целый институт над нашими проблемами трудился. А сейчас какие уж планомерные исследования и математические модели? Таксистами-кустарями работаем. Уж не обессудьте, средств нужно было больше выделять. Хроноразведка и работа с «калькой» – это вам не покрой новых фуражек выдумывать-вычерчивать.

– Согласен, – пробормотал Виктор Иванович. – Даст бог, после совместной операции что-то и с финансированием изменится. А сейчас нет времени препираться, – обстоятельства чрезвычайные. Значит, так, если мы все на территории

отдела остаемся, утечка маловероятна. Товарищ сержант, ты телефончик сдать не забудешь?

Катя передала мобильник шефу и со скучающим видом подперла кулаком щеку.

– Итак, – Виктор Иванович откашлялся. – Место действия… э-э, Россия, в смысле, бывшая Российская империя. Граница с Украиной. 1919 год. Разгар Гражданской войны. Белые приходят – грабют, красные приходят – грабют. Хаос. Школьный учебник истории помните?

– В общих чертах, – сказал Сан Саныч, имеющий кроме звания майора ученую степень кандидата исторических наук. – Ты продолжай, продолжай…

– Наступление белых на центральные области Советской России. С юга, стало быть, они прут, – гость в некотором замешательстве почесал подбородок. – Деникин, Врангель, Корнилов, Буденный, Ворошилов…

– Не хочу тебя разочаровывать, но Корнилов, по-моему, был убит под Екатеринодаром в 18-м году, – осторожно заметил начальник отдела. – Или там «кальку» подправили?

– Нет, я Корнилова с Корчагиным перепутал, – признался Виктор Иванович. – Но «кальку» там действительно подредактировали. Ульянов, который Ленин, был убит. Удачное покушение. Как раз в начале нашего 19-го. Его какая-то тетка подстрелила. Стоп, – нет, тетка до этого покушения была. Вождя снайпер на митинге снял. Профессионально сработали. Был Ильич, и нет Ильича. Говорят, похороны потрясные

отгрохали.

Катя кашлянула.

– Вы что, Катерина Георгиевна, товарища Ульянова-Ленина не знаете? – удивился гость.

– Знаю. Дедушка такой. Здесь недалеко в хрустальном гробу выставлен, – Катя махнула в сторону закрытого жалюзи окна. – Вы, товарищ майор, ничего не путаете? Нам точно в 1919-й нужно? Может, в 1819-й? Там тоже интересно. Бонапарта можно с острова Святой Елены вытащить, к янкесам в тыл забросить. Пусть репу почешут.

– Ты, товарищ сержант, можешь иронизировать сколько угодно. Я не историк. В чем с прискорбием и сознаюсь. И в школе я давненько учился. Сегодня успел статью в энциклопедии на ходу проглядеть. С Наполеоном пусть сами лягушатники возятся. Кстати, тов. Ленина мы своими телами закрывать тоже не собираемся. Это пусть коммунисты на коммерческой основе подобную акцию заказывают. Тов. Бронштейн, он же предреввоенсовета Троцкий, опять же без наших советов по модернизации республики обойдется. Политики мы не касаемся. Хрен знает, кто там был прав, а кто виноват. Мы не судьи. Задача наша проста и понятна – отыскать одного человечка и уберечь его от ненужных знакомств.

– Что за человечек? Уж не великая ли княжна Анастасия? – в некотором изумлении поинтересовался начальник отдела «К».

– Да ты, майор, романтик, – гость усмехнулся. – Нет, не

княжна, и вообще отнюдь не прелестная невинная девица. Человечка этого вы не знаете. Он персона внеисторическая. Его в нашей линии вообще не существует.

– Так не бывает, – печально сказал Сан Саныч. – Персоналии в «кальках» полностью тождественны. Это аксиома.

– Не спорю. Но наши специалисты никакого документального подтверждения существования этого человечка в архивах не обнаружили. Не было его здесь, – гость посмотрел на Сан Саныча. – Умению специалистов нашего ведомства проводить следственно-розыскные мероприятия я привык доверять. А вы?

– Ваш человечек мог в здешней «кальке» в малолетнем возрасте богу душу отдать, – сказала Катя. – Или чуть позже откинуться. Бардачок у нас в стране известный. От целых полков и воспоминания не остается.

– Справедливейшие слова, – Виктор Иванович многозначительно поднял толстый палец. – К счастью, в стране еще остались мудрые головы и пытливые умы. Они и шепнули, где пересечься с искомым нам человечком. Так что волноваться нам незачем.

– Мы этому человеку должны шею свернуть? – мрачно поинтересовалась Катя.

– Да зачем же так? Только побеседуем. Я побеседую. Ты, товарищ сержант, будешь окрестностями любоваться. Потом человечек пойдет своей дорогой, а мы – оп! – домой. В этом вопросе крепко надеюсь на твою помощь, Катерина Георги-

евна. Мне ваши хроноэксперименты – темный лес с волками.

– Мы подобные операции месяцами планируем. Агенты обстановку изучают, документы штудируют, легенду готовят, – пробормотал начальник отдела. – Ты, майор, думаешь, это как в Тверь на выходные прошвырнуться?

– Ни в коем случае! – запротестовал гость. – Я ваши сомнения всем сердцем понимаю и принимаю. Явился толстый невежественный мужик и в элитные агенты носорогом прет. Ну, не знаю я истории, и вашей физики-математики не знаю. Винюсь, по возвращению займусь самообразованием. А пока уж примите каков есть.

– А, собственно, почему… – интеллигентный Сан Саныч замялся.

– Почему я? А я там пройду. Мне что буденновцы, что марковцы или махновцы – все едино. Я политикой не интересуюсь. Я специалист по бардаку. Там ведь бардачок, сами сказали. Может быть, самый примечательный беспредел в истории нашей многострадальной страны. Правильно? Правильно. Вопросы еще имеются?

– Точное время и место?

– Катерина Георгиевна, оно вам так надо? Ну, хорошо. Лето 1919 года. Северо-Восточная Украина. Точнее скажу перед самым отбытием. Не из вредности, – имею прямой приказ.

– Ориентировочный срок выполнения задания?

– От трех до семи дней. Каждый день – удвоенные «бое-

вые». Слово даю, получите все до копейки.

– Легенда? Без легенды и без прикрытия мы при первом контакте засыплемся.

– Кто сказал, что идем без легенды и без прикрытия? Все будет: оружие, деньги, документы, свежайшие данные по оперативной обстановке. Придем и возьмем как на блюдечке. И легенда имеется. В общих чертах, ты, Катерина Георгиевна, моя боевая подруга, она же маруха, киска, фрея. Любящая. Преданная, аки кошка. Понимаю, что выглядит мезальянсом, но где такой красавице истинно достойного партнера подыскать? Ван Даммы и прочие Брэды Питты у нас не служат. Зато будешь одета, сыта. Никаких портянок, чирьев, вшей и прочих ужасов военного коммунизма. По легенде мы не из безлошадных селян и голодающих пролетариев. Подробности позже.

– Цель. Он кто?

– Без комментариев.

– Маршрут? Город или село?

– Начнем с города. Подробности позже.

– Ориентиры? Без них угодим прямо в ж…

– Ориентиры будут. Фото– и видеоматериалы. Мои личные впечатления. Я в точке прибытия побывал вчера. Перед Прыжком изложу любые подробности. Поправку на последние девяносто лет сама сделаешь. Устроит?

– Цель – тот человечек – он под охраной?

– Без комментариев.

– Почему такая спешка?

Виктор Иванович поцокал языком:

– Уж не знаю, как и сказать. Лишними подробностями грузить вас не хочется. Давайте скажем так – нас могут опередить.

Катя и Сан Саныч переглянулись:

– Конкуренты?

– Без комментариев.

Катя и Александр Александрович сидели в комнате отдыха, пили чай с лимонными вафлями.

– Нет, – вздохнул начальник, – уйду я. С моим желудком нужно занятие поспокойнее. Какая-нибудь рутинная научная работа. Буду раз в год статью в «Вестнике академии» публиковать, и фиг с ним. Что мне эта «калька»? С ней совсем с ума сойдешь.

– Ты, товарищ начальник, для начала с цитрусовыми вафлями завязывай. В них лимонной кислоты полно, не слишком-то для гастрита полезно. А из «кальки» ты не уйдешь. Тебе здесь интересно. Да и любишь ты былое вспомнить, из «нагана» на стрельбище побабахать. Этого тебе на гражданке точно не позволят.

– Ты, Катерина, вечно правду-матку в глаза режешь. Никакого воспитания. Смотри, прижмет тебя майор.

– Это точно, – согласилась девушка. – Полезет. Он по поводу баб слабоват. Собственно, ко мне все равно все лезут.

– Я к тебе ни разу не приставал, – обиделся начальник и взял еще вафлю.

– Ты правильный. У меня муж такой же был, – с грустью согласилась Катя. – Чего ж вас, нормальных людей, так мало? Просто свинство какое-то. Саныч, я тебе сувенирчик переправлю. Все равно в последний раз иду.

– Не вздумай рисковать, Катька! Собьете наводку, бог знает куда угодите. Не глупи. Вернешься, я тебя еще за ножичек в штанах взгрею. Как пацанка, игрушки таскаешь. Будто на тебя кто-то покуситься рискнет. Тебя уже и лица кавказской национальности на улице по дуге обходят. Кстати, ты смотри, с майором поаккуратнее. Он, похоже, крутой.

– Крутой, – согласилась девушка. – Грызться будем. Ну, мне ведь вернуться нужно, и ему тоже. Столкуемся как-нибудь.

Глава 2

Вся страна заботится теперь о Южном фронте. Нужно, чтобы командиры, комиссары, а вслед за ними красноармейцы, поняли, что уже сейчас на Южном фронте мы сильнее Деникина.
Л.Д. Троцкий. Из приказа от 16 июля

Ну и драпанули мы тогда.
Из воспоминаний П.Г. Звиренко, ветерана, заслуженного тренера РФ (К)

Выстрелы постукивали все ближе. Перестрелка, начавшаяся со стороны Основы, стала реже, но явно приблизилась к центру. Город притих, лишь над крышами кружились встревоженные голуби.

Пашка взвалил на повозку тяжеленные тиски. Гаврилыч возился, пытаясь распихать наваленные как попало катушки проволоки. Грузиться начали самовольно, без приказа. Два часа назад начальник оружейно-пулеметной мастерской бывший прапорщик Коваль ушел в штаб и как в воду канул. Дело все явственнее попахивало керосином.

Старший мастер Граченко поправил очки, солидно кашлянул:

– Я до зв'язних схожу, подивлюсь що та як[1], – старик на

[1] Я к связным схожу, посмотрю что и как (*укр.*).

диво резво зашаркал к воротам.

– Пашка, что ты рот раззявил? Ворона залетит, – рявкнул Гаврилыч. – Отворяй ворота.

– Мы ящики с крепежом еще не погрузили.

– Да хрен с ними. Инструмент собрали и ладно. Ворота отворяй. Пулей, говорю!

Пашка навалился на просевшую створку ворот. Улица была пуста. Даже собаки не лаяли. От реки, сквозь привычный запах тины, несло гарью. Сразу стало не по себе.

– Пошла шустрее, – Гаврилыч тряхнул вожжами. Белесая кобыла, давно списанная по старости лет в мастерскую, неохотно переступила копытами. Придурковатый Кирюшка подтолкнул повозку и неуклюже запрыгнул на катушки. Выкатили на пустынную улицу. Невдалеке снова начали палить из винтовок, – кажется, прямо на Николаевской площади. Гаврилыч заозирался и ближе придвинул свою «трехлинейку».

– Тронулись, тронулись. Пашка, брось ворота, найдется кому закрыть. Судя по всему, поспешать нам нужно.

– А Граченко? Ждать не будем?

– Да дед уже у себя в хате в подполе сидит. Старый пень, мать его, революционный подпольщик.

За площадью торопливо застучали выстрелы. Грохнуло громче.

– Вот бес бы их взял, из «маузера» садят, да еще бомбами. Говорил я, еще утром в хозроту нужно было идти. Влипли,

мать его.

– Может, ловят кого, – предположил Пашка, шагая рядом с повозкой. – Объявляли же, что шпионов в городе полно. Во все щели лезут.

– Деникин к нам сам-сам пролез, гы, – заухмылялся Кирюшка, ощупывая свой пухлый вещмешок.

Пашка с досадой вспомнил, что забыл захватить спрятанные в поленнице куски мыла, завернутые в новые портянки. Вот черт, на рынок так и не успел смотаться.

– Вам бы, соплякам, только зубы скалить, – пробормотал Гаврилыч, снял фуражку, задумчиво посмотрел на красную звезду на околыше, вытер потную лысину и решительно нахлобучил фуражку на место. – Зря мы столько катушек проволоки навалили – тяжело драпать будет.

– Чего там драпать? – удивился Пашка. – Отойдем к роте, обстановку проясним. Нечего панику разводить.

– Панику… Дал бог сопляков в команду. Учить меня еще будешь. Или не слышишь, беляки уже в городе.

Пашка прислушался к отдаленному треску пулемета. Кажется, целую ленту вмах высадили.

– Так это на окраине, – неуверенно возразил Пашка. – Деникинцы щель ищут. Город-то крепостью объявили. Наши настороже стоят со всех флангов.

– Флангов… Стратег драный. Крепостью как заявили, так и взад раззаявят, – Гаврилыч щелкнул затвором, проверяя патронник. – Как бы по нам из окна не пальнул офицерик

какой. Много их здесь пригрелось, сучьих фон-баронов.

Посерьезневший Кирюшка вытащил из брезентовой кобуры свой громадный «смит-вессон». Пашка посмотрел с завистью, – «смит-вессон» оружие, конечно, не сильно боевое, зато рукоять у револьвера славная – сам деревянные «щечки» полировал.

У самого Пашки оружия не имелось. Сволочь Коваль по своей старорежимной подлости не соизволил выдать. «Несовершеннолетний, не положено, в штате не состоишь». Подумаешь, в штате. Приписанным при мастерской Пашка действительно меньше месяца числился. Но до этого почти месяц у телефонистов служил. Могли бы винтарь и выделить. Полноценный паек, что получал, оно, конечно, тоже неплохо. Ладно, полк в бой пойдет, сразу оружие появится.

Кобыла довольно шустро перебирала копытами, кляча клячей, но тоже неладное учуяла. Пулемет захлебывался без пауз, вот только посреди улицы не разберешь, где именно воюют, – дома мешают.

– Вот черти, – пробормотал Гаврилыч, – таки опять забыли про нас. Как машинки чинить, так даешь до победного конца, в ночь за полночь без разницы. Под Лозовой и батарею бросили, и половину пулеметов. Опять, небось, один товарищ комиссар со своей сабелюкой к начдиву на глаза заявится. «Дезззертиры-прееедатели, так их растак!»

– Ты подгоняй, подгоняй, – зашептал Кирюшка, сжимая револьвер, – смотри, как чума прошла. Вымер город.

– Куда подгоняй?! – Гаврилыч длинно выматерился. – Слышишь? Уже у Пензенских казарм постреливают. Видать, полк-то ушел.

Повозка остановилась на Рымарской. Трое красноармейцев с тревогой прислушивались. Кобыла с подозрением уставилась на крутой, мощенный брусчаткой спуск.

– Вот что, – пробормотал Гаврилыч, – давайте в обход. В буржуйские кварталы соваться нечего. Пашка, ты у нас этот – спортсменец. Заскочи в штаб к начдиву, до ихнего особняка тут рукой подать. Узнай, куда рота делась, и мигом обратно. Мы по Рымарской пройдем и на углу ждать будем. Только не вошкайся. Дело серьезное.

– Раз дело серьезное – винтарь дайте.

– Я тебе сейчас пендаля дам, – долетишь мигом. Я тебя не в атаку посылаю, а за указаниями. Винтовка тебе сейчас как барану дышло. Жарь быстрей!

– Вы уж меня тогда ждите, – мрачно потребовал Пашка.

– Мы дождемся, не трясись. Только бегом давай!

Пашка запрыгал вверх по широким ступенькам. Туда пойди, то притащи, это оттащи. Одной воды за день натаскаешься – кита утопить можно. Плохо, когда тебе пятнадцать лет и тебя каждый, кому не лень, припахать норовит. Зато хорошо, когда ты ловкий и тренируешься регулярно. «Спортсменец». Ха, вот почитал бы отсталый Гаврилыч хотя бы «Гимнастику Мюллера». Или «Сильнее и выше». Понял бы, какая в физ-

культуре польза. Пашка, когда малым был, еще до войны, в цирке выступление самого Ивана Поддубного видел. Тогда и понял – вот оно. Вот так мужчина должен выглядеть. Чтоб на бицепсе вчетвером висели, разогнуть не могли.

На подъем Пашка взлетел мигом, рванул по Сумской. Стало жарко, держать локти, как на картинках в «Великой Олимпионике», парень перестал, бежал как удобнее. Суконная фуражка зажата в кулаке. Старался старыми сапогами по брусчатке шибко не топать. Слушал, – сейчас густо палили за мостом. И правда, натуральный бой. Вот тебе и неприступная пролетарская крепость.

Свернув в переулок, Пашка сразу понял, что у штаба пусто. Посреди мостовой валялась шинель, на тротуаре ветерок перелистывал брошенные бумаги. Стоял ящик из-под патронов, сами патроны россыпью валялись вокруг. Пашка растерянно остановился. Недавно рассказывали, как начдив за брошенную обойму лично расстрелял взводного из 3-го батальона. А здесь целый ящик. Или они нарочно? Засаду оставили?

Кованые ворота нараспашку. Пашка осторожно вошел. У дверей особняка стояла новенькая двуколка, в ней грудой валялись связки бумаг. Упряжь, брошенная прямо на землю. Часового нет. Пулемет, что вечно выглядывал тупым рылом из окна, исчез. Ушли. Нужно Гаврилычу срочно доложить.

Пашка повернулся к воротам и тут расслышал тихую му-

зыку. Задрал голову. Из распахнутого окна третьего этажа нарядного барского дома, стоящего напротив штаба, доносился женский голос, что-то с томным придыханием выводящий на непонятном языке. Должно быть, по-французски. Граммофон. Ага, значит, есть кто живой. Штабные вояки скорее пулемет бросят, чем граммофон забудут.

Деловым шагом направляясь к дверям подъезда, Пашка соображал. Здесь вроде бы сам начдив с начштаба квартировал. У двери вечно часовой топтался. Вон как все вокруг шелухой семечек заплевано. Может, штаб ближе к бою выдвинулся, а здесь для охраны барахла хлопцев оставили? Да нет, уж больно тихо. Кстати, на обратном пути нужно будет шинель прихватить. Каптенармус Пашке совсем худую выдал – прямо между лопаток дыра с рыжим пятном, смотреть жутко. Ладно еще сейчас лето, а осенью как в такой шинели позориться?

В подъезде было прохладно. Пашка с уважением посмотрел на мраморные ступени, на завитушки перил. Буржуи, конечно, эксплуататоры, но художников и архитекторов выучивают на славу. Музыка сверху доносилась как-то глухо, точно из гроба. Снова стало не по себе. Надо бы быстрее к Гаврилычу вернуться. Ждут уже, наверное. Пашка нащупал в кармане шаровар рукоять большой отвертки. Надежный инструмент, еще отец ковал. На все случаи жизни подходит, и вместо стилета вполне сгодится.

На лестничной площадке пришлось протискиваться ми-

мо штабеля каких-то ящиков. Пашка преодолел искушение поддеть отверткой крышку и полюбопытствовать. Застукают, некрасиво получится.

За приоткрытой дверью все мурлыкала нерусская женщина. Потрескивал, шипел граммофон. Пашка осторожно поинтересовался:

– Есть кто, товарищи? Я из хозвзвода, насчет приказа интересуюсь.

Парижская баба продолжала выводить свое непонятное, а в остальном царила полная тишина. Пашка на всякий случай присел – еще выдадут залпом прямо в грудь – и толкнул дверь. Огромная прихожая была пуста, пахло вином, керосиновой копотью и еще чем-то сладким.

– Товарищи, есть кто живой?

В тишине Пашка сделал несколько бодрых шагов, разглядел блеск на вешалке. Ого, шашка! Мудреная какая-то, на мушкетерскую шпагу похожа. Рукоять на ощупь показалась прохладной и богатой. Может, позолоченная? Наверное, самого начдива. Его Пашка видел всего два раза – высокий мужчина с густыми усами, в ладном новом френче с большой, нашитой на рукаве, звездой и блестящим значком краскома на нагрудном кармане. Шашка у него тогда вроде другая была. Ладно, не наше дело. Пашка шагнул к двери в комнату и споткнулся о темную груду на полу. Сапоги какие-то, штиблеты. Во – и саквояж. А это что? В руках оказалась кобура из лакированной кожи. Явно не пустая. Пашка расте-

рянно пощупал у ног и поднял вторую кобуру, – здесь явно «наган». Побросали, что ли? И что теперь делать?

Набравшись духа, Пашка стукнул в дверь:

– Товарищи, я из хозвзвода. Есть тут кто?

Граммофон равнодушно напевал. Издалека, сквозь шуршание заграничной музыки доносился треск выстрелов. Хватит, убедился, что никого нет, и к своим. Револьверы трофеями оставить себе можно. Пусть доказывают, что не побросали.

Тяжелые портьеры отсекали уличное солнце. Было душно, несмотря на приоткрытое окно, стойко пахло табачным дымом, пролитым вином и еще чем-то странным, похожим на ладан. Никого. Круглый стол, покрытый съехавшей набок скатертью, венские стулья вокруг. На одном стоял портфель, поблескивающий колодкой монограммы. За распахнутыми высоченными дверьми виднелась кровать, широко растопырившая резные звериные ножки-лапы.

Пашка ожесточенно почесал переносицу, чтобы не чихнуть. Ушли. Хрен с ними. Шпалеры, значит, можно себе оставить. Любопытство мучило просто ужасно. Пашка расстегнул лаковую кобуру, потянул тяжелую рубчатую рукоять. Ух ты, «Штейер». Редкая штука. За время службы в мастерской Пашка успел насмотреться на кучу оружия и стал неплохо разбираться. Вот это ствол так ствол! Поковырявшись с затвором и заглянув в магазин, парень разочарованно вздохнул – патронов не было. Да, к такому шпалеру бо-

еприпас искать замучаешься. Ничего, обменяем на что-нибудь полезное. Во второй кобуре оказался «наган», довольно облезлый, солдатский, без самовзвода. Зато с патронами. Правда, при проверке барабана оказалось, что в четырех из семи гнезд сидят пустые гильзы. Ну, три выстрела тоже неплохо. Следовало торопиться. Пашка глянул на портфель – вдруг там документы секретные? Могут наградить за бдительность. Ага, или к стенке поставить за шпионаж. Нет уж, документы – не нашего ума дело. Нужно давать деру, – граммофон приглушал звуки с улицы, но почему-то казалось, что стреляют ближе. Пашка расстегнул ремень и стал подвешивать кобуру «нагана» на бок. Сейчас мигом метнемся по Сумской, потом переулком вниз, а там и Гаврилыч ждет. Если не дождались и ушли – не беда. Пойдут по Белгородской дороге, больше некуда. Догоним. Город Пашка знал. За два месяца вдоволь набегался с поручениями, таская накладные и требования.

Проклятый граммофон под конец зверски всхрапнул и замолчал. Пашка с перепугу чуть не уронил кобуру. За окном щелкнул одинокий выстрел. Ой, что-то близко.

– Музыку заведи, – капризно сказали в спальне.

Пашка панически заскреб по кобуре, но она, как нарочно, расстегиваться не желала.

– Ну, заведите же кто-нибудь музыку! – жалобно сказали из полутьмы.

Поцарапанная рукоять «нагана» оказалась в потной ладо-

ни, но Пашка уже успел слегка опомниться. Судя по голосу, девка или баба. Тьфу, черти бы ее взяли, чуть в штаны не наложил.

Сжимая револьвер, Пашка шагнул в спальню. Углы комнаты таяли во тьме. Окно было плотно зашторено и до половины заложено мешками с песком. На кровати валялась молодая девка. Именно валялась, обняв двумя руками огромную подушку и уткнув лицо в ком пухового одеяла.

Пашка оторопело уставился на белое гладкое бедро. Попка бесстыжей девки походила на две маленькие подушечки. На атласные.

– Ну, заведите же музыку, что вы сволочи все такие? – пробормотала девка.

– Это… Бой вроде на улице, – выдавил из себя Пашка, пытаясь ощупью вложить «наган» в кобуру.

– Да х… с ним. Музыку сделай. У меня от треска голова болит, – девка повернула голову, смахнула с лица волну рыжих кудрей. – А ты вообще кто, мальчик?

– Красноармеец Звиренко, командиров ищу, – Пашка во все глаза смотрел на девушку. Мордашка у нее была помятая, глаза густо обведены синевой, но Пашке казалось, что такого ангельского личика он в жизни не видел. Какая же она вся… тонкая. Фарфоровая.

– Красноармеец? – статуэтка равнодушно моргнула длинными ресницами. – Какой же ты красноармеец? Ты, наверное, еще в гимназию с ранцем бегаешь. Заведи граммофон,

а? Ну, пожалуйста! У меня в висках от шума звенит.

– Это… барышня, ты послушай. Уходить нужно. Беляки прорвались. Где начдив?

– Да пошел он на х…, ваш товарищ начдив, – пробормотала девушка. – Бросили меня все. Слушай, к черту эту музыку. Ой, у меня виски сейчас лопнут. Дай вина. Там мадера осталась.

Пашка зачем-то взял с комода липкую бутылку, протянул девушке. Она шумно глотнула раз, другой. Обтерла ладонью рот. Пашка смотрел, как по гладкой коже катятся капли. Грудь у рыжей красавицы была небольшая, но даже на взгляд упругая, как литая резина.

Девушка насмешливо улыбнулась. Глаза у нее были шалые, пьяные, с огромными зрачками, и смотрели так бесстыдно, что у Пашки заколотилось сердце.

– Ну какой ты красноармеец, мальчик? Разве невинных херувимов в большевики берут?

Пашка насупился. Разве виноват, что уродился светловолосым и кудрявым? Стригись хоть каждую неделю, все равно дразнить будут. И никого не волнует, что ты почти любого можешь на лопатки уложить и английский бокс изучаешь. Раз борода еще не растет и кудрявый – амба, одна дорога, в херувимы. Тьфу! Бога и всех херувимов революция уже два года как отменила, чтоб вы знали.

– Барышня, ты бы задницу прикрыла и бельишко накинула. Не ровен час деникинцы налетят. Отступать нужно.

– Суровый какой, – девушка надула и так припухлые губки. – Коммунист, да? Ну иди, раз нравлюсь, – рыжая бесстыдница окончательно повернулась на спину.

Пашка ошеломленно смотрел, как перед ним раздвигаются ноги в сползших шелковых чулках.

– Иди, дурачок, – прошептала девушка, глядя огромными бессмысленными глазами. – Хорошо будет. Я вкусная.

Не устоял прикомандированный к ремкоманде боец Звиренко. Заворожил-околдовал бойца девичий гладкий животик да лобочек с аккуратным рыжим островком. И хоть познал Пашка радости плотские еще дома, под шелест прибоя на теплом азовском песке, но сейчас вышло как в первый раз. Теплая она была, податливая, и правда, статуэтка живая. Вздыхала часто, руку, чуть подпорченную синяками повыше локтя, на шею закинула, кудри юного любовника пальчиками ласкала.

– Давай, давай… ох, какой же вы зверь, товарищ Антоний…

Как называла да за кого принимала, Пашка думать не желал. Сладко было так, что взвыть впору. Огромная кровать скрипела, мешали сползшие на сапоги шаровары, да только и оглох Пашка, и онемел. Сжимал в объятиях скользкое тело, не чуял запаха вина и застарелого курева.

Ноги девушки обхватывали поясницу, вздрагивали:

– Ой, постой, задавишь! Ты сегодня совсем… Марафету хочешь?

Пашка хотел продолжить. Кровь била в башке гулким колоколом. Трясло всего. Замер, только жадно целовал в ключицу.

– Сейчас, сейчас, – бормотала рыжая, запуская руку в груду подушек. – Я только носик припудрю. Сам-то отчего не хочешь?

Пашка двинуться ей дал, но вымолвить не мог ни слова. Да и не о чем было говорить. Ниже живота тело словно парализовало. Ох, да не может быть, чтобы такой сладостью плоть сводило.

Руки у барышни дрожали, белый порошок сыпался на грудь. Бормотала:

– Дай, дай втянуть. Да пусти, гад, я тебе по-собачьи дам.

Она звучно втянула ноздрями, на мгновение замерла. Замотав рыжей гривой, начала переворачиваться.

Себя Пашка не помнил. Мял белое тело, наседал, жадно хватая воздух, скрипел от блаженства зубами. Барышня тоже заохала в голос, да еще и скулила. Подушки, за которые цеплялась, расползлись, трещали под ногтями льняные, липкие, в пятнах, простыни.

Отдуваясь, Пашка осознал, что лежит, уткнувшись лицом в густые кудри. От волос несло диковинным душистым табаком. Девушка, кажется, не дышала. Пашка поспешно сполз на бок, перевернул барышню. Глаза у нее оказались открыты, черные, огромные зрачки слепо смотрели в потолок. Пашка

испуганно тряхнул бледные плечи.

– Ты кто? – девушка слабо уперлась ладонью в его руку, попыталась оттолкнуть. – Уйди отсюда, тварь.

За окном крепко бабахнуло, зазвенели стекла. Густо затрещали выстрелы. Совсем под боком, на Сумской.

Пашка скатился с постели, поддернул шаровары.

– Тикать нужно! Вставай!

– Да иди ты в… Надоели, уроды совдеповские, – рыжая сунула голову в подушки, потянула на себя одеяло.

Летнее пальто Пашка обнаружил на дверце шифоньера. Девчонка отбивалась, пришлось ее тряхнуть так, что зубы клацнули. Захныкала. Пашка впихнул ее в пальто.

– Туфли где?

– Что пристал? Быдло, тварь мастеровая. Пальцы с заусенцами, кобель тупой.

Пашка тряхнул ее покрепче, на этот раз за волосы:

– Уходить нужно, дура! Шлепнут ведь тебя, как комиссарскую блядушку.

– Меня шлепнут?! Да уж верно, зашлепают во все дырки. Думаешь, я у офицеров не сосала? Вы там все одинаковые. Пусти волосы, скотина! Больно! Пусти! Хочешь, отсосу? Тебе понравится. Да пусти же! Денег хочешь? Вон, бери! Только отстань.

Она уцепилась за шифоньер, с полки, из-под шелковых тряпок посыпались пачки денег. И советские, и широкие, растрепанные николаевские. Пашка, окончательно ошалев,

сгреб пару пачек, запихнул в карман девичьего пальто. Стыдясь, сунул комок денег себе за пазуху. Рванул девушку за шиворот:

– Выметайся!

Рыжая вдруг разрыдалась:

– Да оставь же меня, бессовестный негодяй!

На ногах она стоять не желала, и Пашка подхватил ее на плечо. Девичий кулачок слабо стучал по спине. Вот дурища! Но оставлять нельзя. Пристрелят сгоряча или так отдерут, что и как дышать забудет.

Скатились по лестнице. У двери Пашка прислонил девушку к стене:

– Дай огляжусь.

На углу у Сумской маячило несколько фигур с винтовками. Кто такие, Пашка рассмотреть не успел, – сверху, от улицы Гоголя, зацокали копыта.

Поспешно задвигая запор, Пашка зашептал:

– Слушай, здесь черный ход есть?

Девушка сидела, тупо опустив голову и поглаживая голые колени. Пашка с тоской догадался, что нужно было ей все-таки туфли найти. Во дворе клацали копыта. «Удрали, сволочи, – заорал кто-то. – Ничего, догоним». Затопали по брусчатке сапоги.

Пашка подхватил девушку за локти, потащил к лестнице. Окно было закрыто, пришлось выдернуть из кармана отвертку, поддеть шпингалет. Пашка рванул раму, за пыльны-

ми стеклами открылся короткий, сдавленный высокой кирпичной оградой дворик.

– Лезь!

– Я ноги поломаю, – вяло сказала девушка.

– Помогу, не бойся, – Пашка выбрался на карниз первым. Рыжая попятилась было к лестнице наверх, но парень ухватил за плечо: – Да бежим же, дурища ты этакая!

Ухватил за запястья, осторожно опустил вниз, пока девчонка не коснулась земли пятками в подранных чулках. Уцепившись за край окна, собрался прыгнуть сам. Внизу зашлепали босые ноги, – рыжая вдруг побежала вдоль стены.

– Стой! Куда?! – шепотом заорал Пашка.

Девушка уже завернула в подворотню.

Пашка спрыгнул и услышал звонкий крик на улице:

– Господа офицеры, спасите! Там большевик прячется!

– Господа, поднимите барышню, – заорал кто-то зычным командным голосом. – К делу, господа, не упустите мерзавца. Ефремчук, дом оцепить. Чтоб ни одна краснопузая вша не уползла.

Пашка закрутился под окном. Куда?! Спрятаться негде. Забор высоченный. Обратно в дом? Обложат, как хорька. А-аа, запрыгнуть, что ли?

Он разбежался, ударив в кирпичную стену носком сапога, метнул тело вверх. Пальцы правой руки дотянулись до гребня стены. Левая, хоть и сорвала ногти, но тоже помогла удержаться. Недаром столько времени на турнике провел. Под-

тянулся, закинул ногу на гребень.

– Вон он! По ногам цельтесь, господа!

Убегая по узкому гребню стены, Пашка краем глаза увидел фигуры, выскочившие из подворотни. Яркие белые околыши фуражек, малиновые тульи. Дроздовцы – ох, много чего про них нехорошего рассказывают.

Прыгать было некуда, по ту сторону забора до земли оказалось ого как. Верное дело – ноги переломаешь. Ох, до крыши бы флигеля добраться…

Стукнули разом два выстрела, одна из пуль свистнула за спиной, другая выбила красную пыль из кирпича под ногами. Пашка машинально подпрыгнул.

– Красный гиббон, господа, – засмеялся один из дроздовцев, передергивая затвор.

Пашка длинным прыжком перелетел на крышу флигеля. Жесть загрохотала под сапогами, среди этого грохота вовсе нестрашно свистнула пуля. Скат крыши оказался крут, подошвы заскользили, Пашка сел на колени, прямо перед глазами в жести появилось новое отверстие. Перевалившись через конек, парень покатился вниз. Машинально успел уцепиться рукой за карниз, относительно мягко шлепнулся в кусты. Ворота заперты, вон еще забор… В соседнем дворе к беглецу осатанело метнулась захлебывающаяся дворняга. Пашка от души угостил шавку сапогом, под скулеж и лай одолел следующий забор. Оказался в просторном дворе, – здесь ворота выходили на две стороны.

– Вон он, граждане! – завопили из окна. – Вон он, с «браунингом» на боку. Держите комиссара, господа!

К счастью, добровольцев держать комиссара, да еще вооруженного «браунингом», среди жильцов не нашлось. Пашка перемахнул через облупленные ворота, оказался в длинном переулке. Рванул вдоль стены. За спиной выскочил на перекресток всадник, вскинул карабин. Конь танцевал, стуча копытами по булыжной мостовой. Пуля ушла высоко. Кавалерист, выругавшись, передернул затвор, но Пашка уже юркнул в проулок.

* * *

Опомнился Пашка на чердаке трехэтажного дома, на углу Старомосковской. Дом попался удачный – на верхнем этаже никто не жил, двери квартиры распахнуты, валялись загаженные бумаги, сквознячок кружил по углам пух из распоротой перины. С крыши можно было уйти и на соседний дом, и по пожарной лестнице во двор, где за палисадником прятался крошечный садик. За садиком открывался крутой замусоренный спуск к соседней улице и дальше, к реке. Вообще-то можно было сразу туда пробраться да побыстрей уйти из центральной, буржуйской части города. Но беспорядочная стрельба вспыхивала на улицах совершенно неожиданно, и Пашка осознал, что у него куда больше шансов налететь на беляков, чем выйти к какой-нибудь задержавшейся в

городе части красных. Вот угораздило.

Пот на спине высох. Пашка проверил «наган», для успокоения пересчитал чудом не выпавшие во время бегства деньги. Почти пятьсот рублей царскими, да еще керенки. Лошадь можно купить, а поторговаться, так и пару. Вот так приключение. Эх, сучка она, конечно, бесстыдная. Ведь только хорошего ей хотел, честное слово. Дура буржуазная. «Херувим», тьфу! Чуть не шлепнули из-за блядушки несознательной.

Злиться на рыжую не хотелось. Женщина – что с нее возьмешь? Легко ли красивой быть? Ой, ведь и вправду, красивая какая. Даже не верится.

Пашка замотал головой, чувствуя, как загораются щеки. Разве такую забудешь? А начдив – гад. Явно скрытый контрик. Куда ЧК смотрит? Растлился, сволочь, развел притон с вином и марафетом. А как бой, так на «заранее подготовленные» галопом отошел? Гнида. Кто в приказах грозил – «революционная ответственность», «решительнейший миг», «пролетарская стойкость в эпоху мировой революции»? Подожди, удод двухцветный, еще прислоним тебя к стенке.

Сквозь слуховое окно было видно, как скапливается народ на площади. Пашка, поразмыслив, выбрался на крышу. Если ползать осторожно, никто не заметит.

И площадь, и Старомосковская улица оказались как на ладони. На улице людей почти не было, зато площадь заполня-

лась на глазах. Солдатская форма и костюмы штатских, светлые платья дам – все смешалось. Винтовки, зонтики, букеты цветов. Временами доносились крики «ура». Буржуи своих встречают. Ладно, радуйтесь, покуда – ваш день. Ничего, недолго осталось.

Пашка лег на спину, прикрыл глаза. Жесть грела спину. В небе плыли пухлые и белые июньские облака. Редкие выстрелы доносились откуда-то из другого мира. И нестройное «ура» тоже казалось чужим, нездешним. Пашка передвинул кобуру на живот, положил руку на грубый брезент. Ничего, выскочим. Как батя во время работы в кузне напевал?

Приободрись, пись-пись,
Не торопись, дрызь-дрызь,
Дорога очень-очень далека.

Ох, и занесло тебя, Пашка, в чужой город, за семьсот верст от дома, к буржуйскому кровожадному племени.

Где-то рядом зло застучал пулемет, и Пашка, вздрогнув, перевернулся на живот. На площади поднялась суета – привставали на облучках обозники, взмахивали вожжами, толпа в белом и нарядном шарахнулась прочь, какой-то офицер спешно разворачивал в цепь взвод стрелков. Между домов мелькнуло что-то зеленое, угловатое. Пашка разглядел броневик, башня на ходу развернулась, пулемет выплюнул длинную очередь. Тут же, окутавшись сизым дымом выхлопа, броневой жук умчался по улице прочь. Толпа на площа-

ди голосила на разные лады.

Пашка не удержался, стукнул кулаком по жести. Ага, не нравится?! Думали, сгинула Красная Армия? Вот подождите, лизоблюды генеральские.

Надежда на то, что красные перешли в наступление и вышибают деникинцев из города, увяла, не успев родиться. Нет, этот броневик отход прикрывает. Смелые черти. Ишь как в тыл зашли. С братвой из бронеотряда Пашка был знаком, можно сказать, лично. Собственноручно помогал пулемет с броневика снимать, когда ремонт понадобился. Солидная броневая машина «Остин» – два «максима» на вооружении, по хорошей дороге броневик почти пятьдесят верст в час выжимает. Команда из моряков, все в коже, с «маузерами». С Балтики братва. Городскую ЧК охраняют.

Пашка со злорадством наблюдал, как на площади торопливо снимается с передков батарея. Испугались, белая кость, это вам не перед барышнями красоваться. Трехдюймовки разворачивали стволами в разные стороны. Деникинцы, очевидно, опасались нового набега броневика. Одно из орудий покатили к спуску на Старомосковскую. Пашка слегка струхнул, – а вдруг они что-нибудь обстрелять решили? Как начнут садить через дом, бог его знает эту шрапнель. Под орудийным огнем Пашке бывать еще не приходилось. Собственно, и под пулями, когда именно по тебе одному палят, сегодня в первый раз очутился. А сейчас еще трехдюймовка, – не многовато ли в одночасье?

Пушку обогнало десятка два стрелков. Те же малиновые фуражки, малиновые погоны с литерой «Д» – точно дроздовцы. Серьезный полк, чтоб их холера прошибла. Пашка отполз подальше от края крыши. Внизу командовал молодой офицер:

– Разворачивайтесь. Не дай бог, жестянка еще раз на площадь выскочит. Барышни и так в истерике десятками валятся. Наш обоз подлец бронированный, растрепал вдрызг. Как он там называется? «Товарищ Артемон»?

Солдаты засмеялись.

– «Товарищ Артемий», ваше превосходительство, – откликнулся кто-то из солдат.

– Я и говорю, кличка не то библейская, не то кобелиная, – усмехнулся офицер.

Пашка на крыше тоже ухмыльнулся. Собачья кличка или не собачья, а куснул броневик вас здорово. Бегайте, бегайте.

– Вон он! – испуганно заорал кто-то внизу.

Пашка поднял голову. По Старомосковской летел броневик. Ух, вот они, пятьдесят верст в час. И как он не перекинется?

Следующие несколько минут Пашка провел в центре самого настоящего сражения. Трехдюймовка грохотала так, что сотрясался дом. Сыпали, казалось, прямо по чердаку пулеметы. Уши заложило, Пашка инстинктивно пытался крепче ухватиться за железо. Беляки подкатили еще два орудия и

лупили вдоль улицы гранатами. «Товарищ Артемий» не сдавался, щедро огрызался из пулеметов, маневрировал.

– Ваше высокоблагородие, уйдите от греха, – орал внизу кто-то из дроздовцев.

– Бейте чаще, – крикнул в ответ невидимый Пашке офицер. – Сейчас «товарища» к ногтю прижмем.

Пока же «Товарищ Артемий» прижимал противника. Несколько артиллеристов, попав под меткую очередь, упали у орудия. Остальные скорчились за щитом. Раненых пытались оттащить за угол. По серому булыжнику тянулась темная кровавая полоса.

– Гранатой! – командовал офицер. – Чаще!

– Встал, гадюка! – радостно закричал кто-то из орудийного расчета.

Броневик действительно встал. Граната его если и зацепила, то несерьезно. Сдавая задним ходом, «Товарищ Артемий» уперся кормой в фонарный столб. Очевидно, экипаж был ранен или оглушен – броневик дергался, упорно пытаясь свалить столб.

– По коммунячьим конвульсиям, пли! – приказал офицер.

Пашка не очень помнил, как оказался у края крыши. Броневик было жалко до слез. Ведь как отчаянно братва воевала. Что ж они так?!

Грохнуло, по улице просвистела очередная граната. Пока

мимо.

– Что мажем, орлы? Очки выписать? – грозно крикнул офицер.

– Щас, ваше высокоблагородие, – наводчик припал к прицелу.

С «Товарища Артемия» отчаянно застрекотал пулемет.

«Я тебе самому очки выпишу», – подумал Пашка, сжимая рукоять «нагана». Сердце колотилось как у кролика. Взвод у «нагана» оказался жутко тугой. Высокая стройная фигура офицера расплывалась. Пашка подвел «мушку» чуть ниже. «Дыхание затаить, руку не напрягать».

Щелчок револьвера растворился в пулеметном треске. Офицер пошатнулся, на дальнейшее Пашка не смотрел. Скатился к пожарной лестнице, обдирая ладони, заскользил вниз.

На улице закричали:

– Полковника Туркулова ранили! Доктора сюда!

Уже перепрыгивая в палисадник, Пашка содрал с пояса кобуру, сунул за пазуху. В два прыжка перелетел улочку, нырнул в кусты у пустыря.

* * *

Три дня Пашка отлеживался в зарослях у покосившегося сарая. В лозе дикого винограда трудолюбиво жужжали пче-

лы. Крепко пахла лебеда, вокруг простирались почти непроходимые заросли крапивы. Когда-то, еще до Великой войны, здесь вознамерились что-то строить, да на Пашкино счастье так и не собрались. В пятидесяти шагах возвышались богатые четырех-, пятиэтажные кирпичные дома, и парень, лежа в тени сарая, все время чувствовал себя под пристальными взглядами запыленных тыльных окон. С другой стороны, за почерневшим забором, вдоль заросшего берега тянулась тропинка. Днем по ней довольно часто ходили – Пашка слышал смех и голоса. Части 14-й армии красных город спешно оставили, но жизнь тем не менее продолжалась. Слушая, как урчит в животе, Пашка преисполнялся ненавистью к двуличной гидре контрреволюции. Небось так же веселились, когда Исполком революционные гулянья на Николаевской площади устраивал. Ну погодите, гады, еще узнаете, как людей по дворам, словно крыс, гонять.

Поразмыслить время было. Первый день, забившись в щель между ветхим навесом и глинобитной стеной сарая, Пашка и дышать боялся. Ноги и то выпрямил только в темноте. Ночью было спокойнее. Стреляли несколько раз, но все в приличном отдалении. Где-то играл духовой оркестр. Поужинать, а заодно и пообедать, удалось крошечными яблоками, сорванными с деревца, что росло рядом с сараем. От яблок невыносимо крутило живот. Пашка пил воду, собравшуюся на дне старой бочки. На вкус вода была ничуть не лучше лошадиной мочи.

На следующий день в щель парень уже не забивался. Сидел в зарослях, жевал травинки, вышелушивал в ладонях колоски. Под забором нашелся разросшийся ревень. Пашка налопался мясистых стеблей, желудок на них среагировал мощно, зато брюхо перестало крутить.

Пашка думал.

Уходить нужно на север. Красные отступили за Белгород, это и без всяких секретных карт из портфеля с монограммами понятно. Только как сейчас туда проскочишь? Беляки в наступление прут. Заставы, разъезды. Пашка даже на северной окраине города ни разу не был. За местного сойти не удастся. О городе знаний маловато. Значит, прямо на север двигать нельзя. Придется в обход, фланговым маневром. В роте небось уже в дезертиры поторопились записать. Ну, ладно, это уладится. Значит, в обход. Местность, как ни крути, незнакомая. Под луной, да в одиночестве, Пашка ночевать не привык. Даром что Фенимором Купером и Майн Ридом в детстве зачитывался. Человек городской. Без котелка, продуктов и шинели в лес не сунешься. Да и патронов бы побольше. Хотя, что толку? От дроздовцев в одиночку не отобьешься. А за городом и без дроздовцев бандитов хватает. Недавно в роте рассказывали, как отставших обозников замучили бандиты – открутили головы что тем курам. От несознательного, анархически настроенного крестьянства нужно подальше держаться. Ладно, главное из города выскользнуть. Вдруг за Пашкину голову награда назначена? Неужто тот

офицерик и правда полковником был? Вряд ли – дроздовец, конечно, орлом смотрелся, да уж слишком молод. А вдруг и правда полковник? Лихо выходит – вы полгода назад товарища Ленина злодейски застрелили, а мы ваших полковников в отместку десятками хлопаем. Нет, награду должны дать. Хотя кто поверит? Скорее уж беляки поверят да с живого шкуру сдерут. Контрразведка у них такие дела творит – слушать невозможно.

Нет, о подобном лучше не думать. Первым делом нужно переодеться. Защитную рубаху и шаровары сейчас все кому не лень носят, но если в комплекте, да еще и с солдатской фуражкой – уж слишком подозрительно. А в то, что тебе пятнадцать лет, мало кто поверит – разработал мускулатуру себе на погибель. Хотя вот сейчас метрика может пригодиться. А удостоверение из полка нужно будет спрятать. И загодя придумать, почему так далеко от родного Ейска оказался.

Мысли приняли иное направление, и Пашка совсем затосковал. Ейск хороший город. Море, рыбалка, фрукты, народ спокойный. Война, можно сказать, город пока стороной обходила. Вот только прокормиться там сложно. После того, как батя умер, совсем плохо стало. Родители были выходцами с Малороссии, родня где-то там затерялась. У мамани, правда, семья издавна у моря обжилась. Только дед, мироед чертов, давным-давно сказал, что раз дочь за голодранца замуж пошла, так пусть и голодранничает сколько ей бог отпустит. У деда недалеко от Копанской зажиточный хутор

имелся. Сады громадные, маслобойня. Как-то погостить позвал младшего внука, когда тому семь лет стукнуло. Аж на два дня зазвал. Пашка ходил, как маманя велела, только по двору. Только и удовольствия, что десяток вишен украдкой сорвал. Больше не приглашали. Да Пашка и сам бы не поехал. Шибко строг дедуля был. Борода седая, страшная, чуть что – рычит: «Що ти, байстрюк приблудний, козачу кровь ганьбиш?»[2]

Пашка был в семье четвертым ребенком. Младше была только сестренка Дуся. Пока был жив отец, жили неплохо. Отец был хорошим кузнецом, соседи уважали, заказов, пусть и несложных, хватало. Потом батя заболел да умер. Война началась, потом революция. Едва концы с концами сводили.

Ейск Пашка любил, но хотелось иной жизни попробовать. Поступил учеником в депо. Прокатился бесплатно в Екатериноград, поработал там в железнодорожных мастерских. Брали на работу охотно, но паек давали такой, что разве только ноги не протянешь. Потом чуть под белые шашки не попал, когда добровольцы к городу прорвались. Казаки, чтоб им, лютое племя… Из Ейска тоже слухи нехорошие шли. Там тоже казачки с Советской властью сцепились. Двинулся Пашка с эшелоном на север. Справедливая жизнь вроде бы везде налаживалась, да только то беляки, то петлюровские гайдамаки налетали. Добрался почти до России – вон она, граница, на которую все уж наплевали да забыли. Го-

---

[2] Позоришь (*укр.*).

род здешний понравился, большой, зажиточный, народ почти сплошь интеллигентный и грамотный. Спортом интересуются – одних футбольных команд шесть штук. Воззвания висят – «Граждане, все к спорту!». Даже странно – уж какой спорт, когда Деникин прет, словно ему дорогу кто специально расчищает? В общем, рассудил Пашка, в такое тревожное время лучше поближе к военной силе держаться. По слухам, во 2-м Бахмутском полку с довольствием дело обстояло неплохо. Правда, сдуру показал метрику, и ни на батарею, ни в пехотную роту не попал. Даром что в плечах крепок, и силой бог не обидел. «Вот стукнет семнадцать, тогда навоюешься». Бюрократы. Позор, как будто и не было революции. Правда, в ремонтную команду взяли. Пашка все-таки и зубило в руках держать давно научился, да и рашпиль от надфиля отличал без подсказки. Оно, может, и неплохо – посмотрел вблизи на армейскую службу, оказалось, еще многовато в ней пережитков проклятого царизма и прочего темного прошлого. В мастерской спокойнее. Взять того же начдива, не зря говорили, что из бывших. Разве настоящий большевик развел бы такую «малину», считай, в самом штабе дивизии? Шкафы у него деньгами набиты, вино, девчонки.

Пашка ухватился за впавший живот и тихонько заныл сквозь зубы. Жрать хотелось невыносимо. Сейчас бы навернуть котелок пшенки. Со шкварками. И с хлебушком свежим. Запить сладким чаем, таким, чтобы ложка стояла. Потом пойти и разобраться с рыжей. Разъяснить, что да как, за-

ложить основы политической грамотности. Ну, или еще что заложить. Если честно, – такую куклу, как она, разве перевоспитаешь?

Пашка по собственному опыту знал, что жратва главнее всего прочего. Пока брюхо пусто, ни о чем другом думать не получается. Однако бывают, видимо, исключения. Зацепила рыжая. Блядушка, пробы ставить некуда. Да еще вовсе ошалевшая. Да только разве такую фигуру забудешь? Забудешь, как голову от сладости закидывала? Сразу видно, образованная. Фу ты, черт, до чего же сладко было. Маруся, та, что в Ейске осталась, тоже ничего была девчонка, отзывчивая. Но разве сравнишь?

Когда стемнело, Пашка решился высунуться за забор. Сполз к реке. На другом берегу светились огни. Кто-то вполголоса разговаривал, манерно хихикала девица. Полсотни шагов, а другой мир. Зажимаются. Что им Деникин? Темнота мещанская. Балласт в трюме мировой революции.

На вкус речная вода была хуже помоев. Загадили, буржуйское племя. Хотелось отплеваться, но воды надулся так, что булькала в самом горле. А жрать хотелось еще невыносимее.

Пашка, затаившись к сырой осоке, переждал, пока пройдут по тропинке трое развеселых мужчин. Обыватели с возмущением говорили о Григорьевском боре – там, мол, найдены сотни жертв, расстрелянных и трусливо закопанных чекистскими палачами. Наглая брехня – там человек пятьде-

сят, ну, может, с сотню контриков прикопали. Пашка точно знал, своими ушами от посыльного из штадива слышал.

На помойке на задах домов удалось отыскать старый драный мешок и вялые капустные листья. За высокими домами горели фонари, слышалась музыка – горожане праздновали возвращение правильной и надежной власти. Пашка, наскоро обтерев о штаны, жевал горьковатую капусту. Может, и еще чего съедобного нашлось бы, да учуяла собака с ближайшего двора. Разгавкалась, тварь белогвардейская. Пришлось убираться к своему сараю. Пашка твердо решил утром пойти на разведку и заснул, накрывшись вонючей мешковиной. Где-то у вокзала снова постукивали выстрелы.

* * *

Благовещенский базар, что раскинулся невдалеке от Свято-Благовещенского собора, торговал обильно и весело. Власть переменилась к лучшему, и «пятаковские» советские деньги уже никто не брал. Торговый люд крепко надеялся, что коммерция пойдет в гору. Поговаривали, что скоро сам Деникин в город пожалует. Вместе с тылами, обозами и новым правительством. Шутка ли – столько народу прокормить? В рядах уже было не протолкнуться от громко размовляющих съехавшихся в город селян.

Пашка мужественно прошел мимо съестных рядов. Нюхать копченую колбаску да соленые огурчики было рано. Для

начала следовало разменять сотню. У подозрительных селян менять деньги было опрометчиво. Выглядел Пашка сомнительно и хорошо это сознавал. Сделал все, что мог, замаскировался, а дальше уж как повезет.

Мать бы увидела таким – выпорола бы. Истинный хламидник. Босой, голый по пояс, шаровары закатаны, на плече пустой мешок. «Наган» благоразумно оставлен в сарае. Фуражка и рубаха тоже там припрятаны. Шел Пашка между рядов и широко улыбался. Публике улыбка нравится – пусть и за слегка придурошного принимают, зато за безвредного. Тут, главное, чтобы улыбка в оскал не перешла. Оскал, он ведь вовсе противоположное впечатление производит.

Лыбиться было трудно – в нос так и лезли обольстительные ароматы, – зажмуривайся не зажмуривайся, а все равно перед глазами пласты розового сала, круглые белые караваи, сметанка и молоко в помятых бидонах и глечиках. Пашка ускорил шаг и, наконец, свернул в ряды, где торговали гвоздями, подковами, дратвой и прочим сугубо мужским товаром. Место знакомое. Гаврилыч, между служебными делами, успевал изготавливать зажигалки и частенько гонял Пашку на базар, то за кремнями, то за фитилем.

Сотню Пашка разменял, купив молоток, клещи, сапожный нож и фунта четыре абсолютно ненужных гаек и болтов. Сторговал для убедительности долото и распрощался с довольным продавцом. Зажимая рукой прореху, вскинул отяжелевший мешок на плечо. Дальше пошло легче. Приобрел

нормальный мешок, переложил в него покупки. Долго торговался со старушкой, пока не купил ношеную синюю сатиновую рубаху. Видно, с мертвяка, ну да ничего.

Когда натягивал рубаху, бедовая хуторянка, что торговала семечками, все смеялась, мол, такому крепкому парубку и голяком гулять можно. Пашка позубоскалил с красавицей, пошел дальше. Купил котелок, в придачу дали чудно искореженную ложку – не иначе как пережила прямое попадание трехдюймовки. Пашка осмелел – чего не осмелеть, когда в шароварах еще две «катеньки» припрятаны. Патруль беляков Пашка нагло проигнорировал – покупал нитки с иголкой. Два солдата с фельдфебелем равнодушно прошли мимо. Под рубашкой «лазутчика» с опозданием катились струйки холодного пота.

Закупаясь съестным, Пашка старался себя сдерживать. Горло аж перехватывало – так слюни текли. Спокойнее, Павел, два дня продержался, и еще час протерпишь. Мешок за спиной все тяжелел. Чуть ли не пинками заставил себя вернуться в вещевые ряды, купить старенький пиджак и картуз с надорванным козырьком.

Уже на выходе с базара ухватил у толстенной торговки пару пирожков с ливером. Ел осторожно, не торопясь – знал, что после голодовки накидываться нельзя. Ливер был горячий, дивно вкусный – так бы и сглотнул все враз.

На мосту наткнулся на еще один патруль с офицерами. Штабс-капитан, заложив руки за спину, разглядывал купола

собора. Молодой поручик что-то рассказывал, изящно поводя ладонью в белой перчатке, указывал то на собор, то на Бурсацкий спуск. Трое рядовых, прислонив винтовки к перилам, пили ядовито-красное ситро.

Пашка постарался пристроиться за двумя бабами – пышногрудой барыней и кухаркой с корзиной. Патруль миновали благополучно, никто из дроздовцев на парня с мешком и не глянул. Зато барыня подозрительно оглянулась. Пашка ей улыбнулся, открыто, искренне, как женскому племени нравится. Барыня хоть губы и поджала, но снисходительно.

Сворачивая с моста, Пашка ощутил прилив жуткой ненависти. Вот сука, еще губки поджимает. Еще третьего дня глаза на красноармейца поднять опасалась. У, толстозадая! Дать бы по вам из пулемета. Прямо с колокольни, чтобы разлетелись вдрызг, со всеми своими кухарками, белыми перчатками и нашивками трехцветными. Шкуры добровольческие!

В уравновешенное душевное состояние Пашка вернулся довольно скоро. По небу плыли безмятежные облачка, солнце пригревало босые ноги. Побаливал живот, но это была приятная боль, сытая. Пашка покосился на ополовиненную бутыль молока, – нет, скрутить может. Уф, что колбаска, что хлеб – просто чудо. И на вечер хватит, и на утро. Хорошо с деньгами жить. Даже жалко будет, когда при полном коммунизме деньги окончательно отменят. Хотя тогда и без всяких

денег самое интересное время придет.

Пока жмурился на солнышко, само собой пришло решение. Нужно в глубокий обход двинуть. В Полтаве пока Советская власть надежно держится. Напрямую, понятно, не проскочишь. Но можно через Константиноград попробовать. Ха, зря, что ли, в депо работал? Схема железных дорог в голове получше таблицы умножения засела. Беляки на Курск прут, туда у них все внимание. А мы в другую сторону рванем.

Пашка начал сочинять план отступления и незаметно задремал.

Проснулся в сумерках. Небо затягивало тучами. Хорошо, что пиджак купил. Хоть и старый, но теплый. «Наган» придется оставить. Жалко, хоть плачь.

Пашка не торопясь, с чувством, поужинал. Сало нарезал тоненько, колбаску шинковал ровненькими кружочками. С наслаждением хрустел луком. Нет, жить можно. Выберемся.

Темнота пришла душная, где-то рядом собиралась гроза. Мешок Пашка собрал, поутру нужно будет двигаться. К вокзалу лучше в обход пробираться. Наган в сарае спрячем, – потом можно будет достать.

Пашка лежал, думал. Мысли все соскальзывали на последние события. На рыжую. На того полковника, что у пушки командовал. Рассказать про него, когда к красным удастся выбраться? Подумают, что хвастовство.

Поворочавшись, Пашка решил постираться. Подштаников юный физкультурник давно уже не носил, обзавелся гимнастическими трусами по колено. Гигиенично, современно. Но стирать их тоже нужно. Мало ли как жизнь обернется. Не позориться же.

Квакали лягушки. Медленное течение волокло мусор. Проплыла винная бутылка. У Соборной площади опять играл духовой оркестр, смутно доносилось буханье барабана, крики «ура». Никак буржуи нарадоваться своей временной победе не могут.

Пашка, подергивая обнаженными плечами, отгонял комаров, руки были заняты полосканием трусов. Без мыла, конечно, не тот результат. Осталось мыло в мастерской. Вот прямо хоть в карманах хозяйство постоянно таскай.

Сзади угрожающе тявкнула собака. Пашка вздрогнул и чуть не упустил трусы в воду.

На тропинке стояли двое господ. У ног их вертелась, возбужденно колотила хвостом приплюснутая собака такса.

– Вот, Вадим, извольте видеть, – солидный господин в светлом костюме ткнул тростью в сторону Пашки. – Очередной беглый пролетарий. Наверняка из тех краснопузых, что из винтовочек в спину доблестным дроздовцам постреливали. А вы говорите, – порядок наведен. Далеко до порядка, да-с. Пока вот такие троглодиты по ночам руки от крови будут отмывать, мира и покоя не будет. Кого ты ограбил, мерзавец? Признавайся сейчас же!

Пашка стоял на коленях ни жив ни мертв.

– Ах, Венедикт Соломонович, пойдемте, – господин помоложе с опаской глянул на Пашку. – Этот бродяга, кажется, совсем юн. Вряд ли господа большевики успели совратить всех оборванцев города.

– Притворство, – безапелляционно заявил старший барин и взволнованно поправил пенсне. – Вы не смотрите на его лицо, Вадим. Да, отсталое умственное развитие. Да, дегенерат-с, определенно. Но обратите внимание на его плечи и конечности. Это руки душителя и насильника. А этот волчий взгляд?

Пашка потянулся к рубашке…

– Сидеть! – взвизгнул господин, выхватывая из кармана пиджака маленький блестящий револьвер. – Не сметь шевелиться! Какого полка, скотина?! Чекист? В контрразведку сейчас же!

– Полноте, Венедикт Соломонович, – молодой барин озирался, – не кричите так. Вдруг он здесь не один?

– Сдадим патрулю, – решительно сказал старший. – Стыдитесь, Вадим. Сейчас каждый честный человек обязан внести вклад в победу Добровольческой армии. Довольно пресмыкаться пред ничтожными грабителями и ворами. Смотрите, как он трясется.

– Господа хорошие, – взмолился Пашка. – За что ж вы меня так? Я же целый день в мастерской. Его благородие лично задание давали. Для армии работаем. У меня и документ

имеется…

– Не двигаться! – господин в пенсне воинственно взмахнул револьверчиком. – Патруль разберется! Шагом марш!

Такса одобрительно тявкнула.

– Ну, уж вы тогда рубаху мою возьмите с документами, – жалобно сказал Пашка. – И дозвольте белье выжать. Нехорошо так идти.

– Выжимай, оборвыш, – господин, наставляя свое блестящее оружие на парня, опасливо потянулся к лежащей на осоке одежде. Под рубахой лежал Пашкин «наган».

Хоть про бокс Пашка знал исключительно понаслышке, силы для удара хватало. Короткий хук мигом сбил господина на землю. Угодил Пашка, правда, не в челюсть, а в ухо. Пенсне с господина слетело, рухнувший барин замычал:

– М-мерзавец…

Неловко выворачивая локоть, начал поднимать свой короткоствольный «бульдог». Пашка откинул лежащую рубаху, подхватил свой «солдатский», взводя большим пальцем курок, ткнул ствол под пуговицу белого господского жилета. Коротко бахнуло. Господин молча дрогнул, вытянулся на сырой земле.

Такса и молодой человек с ужасом смотрели. Пашка и сам не понимал, как так получилось. На жилете лежащего господина расплывалось темное пятно. Квакнула примолкшая было лягушка, продолжал бухать вдалеке духовой оркестр.

Молодой господин повернулся и молча побежал по тро-

пинке. Следом, так же молча, с развевающимися ушами рванулась такса.

Пашка попятился от тела, потом опомнился, подхватил одежду.

* * *

Удирал, как лисица. Тихо угадывал нужное направление, нырял в кусты, перепрыгивал через заборы. Улицу перелетел тенью. Дальше тянулись зады кожевенной фабрики. Чудились голоса – шарахался, падал под скос берега.

Опомнился, лежа в высоченном бурьяне под облупившимся забором. Сердце колотилось у горла. Кожу жгло – и царапины, и крапива. Сапоги, оказывается, нес в руке. Мешок давил на грудь. Когда схватил мешок и сапоги, хоть убей, не помнилось. Ой, маманя, как же это? Стоило прикрыть глаза, как виделся белый жилет, сочилась темным маленькая дыра, нелепо торчала к небу бородка клинышком. От того господина сильно пахло монпансье. Горожане эти конфетки любили.

Как же так?

От запаха колбасы замутило. Пашка отпихнул мешок подальше.

Не хотел ведь. Совсем не хотел.

* * *

Грозы ночью так и не случилось. Дождь закапал утром, но так, слегка. Народ потянулся на базар. Постукивали колесами телеги, груженные мешками и корзинами. Не в ногу прошагал сменившийся караул. Сонный подпоручик судорожно зевал.

На широкоплечего парнишку, шагающего в сторону вокзала с мешком за плечами, никто не обращал внимания. Разве что девчонка, трясущаяся рядом с отцом на возе, заваленном мешками овса, посмотрела вслед. Из-под старого картуза парнишки выбивались светлые кудряшки. «Дивись, який смішний. Як Іван-дурень з казки. Тільки ні в житті йому справжній царівни Несміяни не побачити»[3].

---

[3] «Смотри, какой смешной. Как Иван-дурак из сказки. Только в жизни не увидеть ему настоящей царевны Несмеяны» (*укр.*).

Глава 3

Красные толпами кинулись в город. На плечах бегущих мы ворвались в Харьков.
Туркул А.В. «Дроздовцы в огне»

Тщетно я возражал продолжению нашего бессмысленного и кровавого наступления.
Врангель П.Н. Мемуары министра обороны. Том II. «Безумие 1918–1919» (К).

Герман был трусом и помнил об этом печальном обстоятельстве всю жизнь. Мама рассказывала, как, впервые услышав сказку о Красной Шапочке, маленький Гера впал в настоящую истерику, – мысль о заглатывании (пусть и временном) страшным волком беззащитных женщин вызвала судорожный рев. Распоротый живот хищника и счастливое освобождение жертв не показалось мальчику достойным утешением. Позже Герман неоднократно прятал ненавистную книгу сказок в чулан. Мама находила такой способ борьбы с житейскими неприятностями милым и удивительным – заходить в темный таинственный чулан сын не боялся, зато единственный взгляд на прекрасное издание с гравюрами Доре вызывал у мальчика слезы и панику. Герман тогда затруднялся объяснить разницу – ведь в чулан можно быстро заскочить, зажмурив глаза, сунуть тяжелый том на полку и вы-

лететь обратно, а сказки навсегда застревали в голове. Мальчика мучило излишне живое воображение. Даже поступив в гимназию, Герман не мог спокойно воспринимать некоторые заведомо выдуманные, «невзаправдашние» истории. Мысль о несчастной Русалочке, танцующей на болезненных слабых ножках, заставляла зажмуриться до рези в глазах. «А Русалочка все танцевала и танцевала, хотя каждый раз, как ноги ее касались земли, ей было так больно, будто она ступала по острым ножам», – написал злобный Ханс Христиан. Ножей юный гимназист тоже боялся. Даже на переменах малодушно уклонялся от увлекательной игры в ножички. Видит бог, мальчик уже тогда предчувствовал, что оружия в его жизни хватит с избытком.

Прапорщик Герман Олегович Земляков-Голутвин, стараясь не морщиться, спускался по лестнице. Голова кружилась, но за перила прапорщик держаться стеснялся. Повстречавшейся миловидной сестре милосердия Лидочке улыбнулся через силу.

– Заглядывайте в гости, господин прапорщик. И себя, пожалуйста, берегите.

– Спасибо. Буду стараться.

Лидочка посмотрела вслед обиженно. Нужно было ее поблагодарить искреннее, сестричкой она была внимательной. Но Герман ничего не мог с собой поделать, все время представлялось, что она так же мило улыбалась раненым большевикам. Госпиталь наверняка был ими перепол-

нен еще несколько дней назад, повсюду виднелись неистребимые следы пребывания «товарищей» – обрывки воззваний, пустые бутылки и обмусоленные окурки самокруток. Даже сквозь острый запах карболки пробивалась неистребимая вонь портянок и гноя, нестираных кальсон и жареных семечек. Непременный аромат «великой пролетарской всемирной», будь она проклята, революции. Герман сознавал, что и сам благоухает отнюдь не парфюмом, и от этого чувствовал себя ничуть не лучше.

На улице сияло июньское солнце. Галдели воробьи. С санитарной повозки сгружали охающего бородача-казака с простреленной ногой. От солнца и шума голова закружилась еще сильнее. Герман добрел до остова садовой скамьи и примостился на уцелевшей части. Большая часть сиденья была зверски выломана, надо думать, на дрова. Герман положил шинель, оперся о мягкое локтем и постарался ни о чем не думать. Под черепом пульсировала тупая боль. Стоило снять фуражку – стало чуть легче. Прапорщик осторожно потрогал забинтованный лоб. М-да, «кипит наш разум возмущенный» – в этом большевички совершенно правы.

Мимо протопали санитары, покосились. Герман постарался принять скучающий вид – признаваться в слабости абсолютно не хотелось. Вынул коробку папирос. Курить прапорщик не любил. Герман вообще мало что любил. Наоборот, в мире существовала уйма вещей, которые прапорщик тоскливо и упорно ненавидел. Например, шинели. Как свою, с доб-

ротно, но грубо заштопанной полой, с так и не пожелавшими окончательно отчиститься белилами на рукаве, так и вообще шинели, как примету грубой материальности мира. Первая шинель, которую Герман отчетливо помнил, была папина. Помнил ремни, шашку, новую пахучую кобуру и колкую шинель. Вокзал, полный громогласных людей, свистков, запахов угля и смазки. Папа сел в вагон, помахал перчатками из окна и больше никогда не вернулся. Где-то под Ляояном осталась могила, на которой никто никогда не побывает. Да и существовала ли у штабс-капитана Землякова-Голутвина отдельная могила? У выросшего Германа была возможность убедиться, как хоронит матушка-Россия своих павших героев – во рвах, канавах, братских могилах под безымянными крестами.

Герман спрятал так и не раскрытую коробку папирос, собрался с духом и встал. Штаб батальона располагался где-то между Сумской и улицей Гоголя. С городом прапорщик был знаком посредственно. Бывал два раза коротко, в основном на вокзале, когда тщетно пытался выбраться в Москву. Воспоминания самые отвратительные. Быстрей бы отсюда уехать. Но зайти в штаб и получить жалованье совершенно необходимо. В кармане, как ныне модно говорить – «блоха на аркане да вошь на кукане». Иначе просто не на что отправляться в отпуск новоявленному герою Добрармии.

Улица тянулась зеленая, светлая. Голова вела себя пристойно, кружилась в меру. Герман медленно шагал к центру

города. Ничего, когда тебе двадцать один год, остается надежда, что хотя бы собственные ноги тебя не подведут. Идущий навстречу господин любезно приподнял шляпу. Герман с некоторым удивлением понял, что приветствуют именно его, и взял под козырек. Да, горожане преисполнены благодарности к доблестным добровольцам. Весьма мило, но соваться на рабочие окраины лучше поостеречься. Там настроения, надо понимать, иные.

В госпитале Герман провалялся всего двое суток. Привезли прямо с вокзала, практически в беспамятстве. Сотрясение мозга, контузия. Даже странно – чему сотрясаться в окончательно опустевшей и отупевшей за два последних года голове? Тем не менее что-то ведь болит. Профессор настойчиво рекомендовал поездку на чудодейственные воды провинциальной курортной достопримечательности – на хутор Бурузовка. Полковник, навестивший в госпитале, заверил, что все необходимые документы прапорщик получит на руки тотчас же по прибытию в штаб. Недельный отпуск и повышение в звании. Ну что ж, будем вкушать плоды славы. Пусть и совершенно незаслуженной.

В безымянном скверике Герман присел отдохнуть. Торопиться некуда. Выпишут вам, новоявленный господин подпоручик, пропуск, выдадут жалованье и полноценные отпускные. И понесет вас поезд в направлении, прямо противоположном от Первопрестольной.

Дома Герман не был два года. Нет, запамятовал, чуть

меньше. Был проездом в сентябре 17-го. Мама плакала, с Ларисой успел увидеться в парке, на пятнадцать минут. Неловкие улыбки, скованность, – она торопилась к тетке, а у Германа было строжайшее предписание немедленно прибыть в штаб корпуса и литер на поезд. Идиотизм. Кто сейчас вспомнит о том предписании? А ведь нервничал, полетел на Курско-Нижегородский вокзал, разорился на обнаглевшего извозчика. Осёл и дурак, определенно, ничто и никогда тебя не исправит.

Давным-давно, вспышкой, бликами на елочных игрушках, мелькнуло милое беспечное детство. Тишина маленькой дачи, что снимали в Раздорах, когда отец еще был жив. Первая экскурсия в зоосад. Как тогда удивился жалкому виду волков, совсем непохожих на коварных сказочных злодеев. Как потрясли дрессированные мышки в цирке. Но куда чаще вспоминался покой детской, морозные узоры на оконном стекле, счастливая возможность часами листать потрепанные тома Брема и драгоценный альбом Джона Гульда. Помнилась летняя дачная свобода, бабочки, порхающие над зарослями малины, сачок из оранжевой марли. Вечера, когда ставили самовар, смех молодой мамы. Потом гимназия, жесткий воротничок тужурки, вечно натиравший худую шею. Страх перед гвалтом на переменах, перед однокашниками, умеющими быть безумными и исступленными подобно бабуинам. Парализующий трепет перед взглядом инспектора, перед его шитым золотом мундиром. Учился Герман

посредственно. Каждый вызов к доске был пыткой. Немел язык, ладони становились липкими от пота. Насмешки однокашников, скептические гримасы педагогов. Высмеивали все: двойную фамилию, сомнительное дворянство, сутулую спину и тонкие, сухими палками, руки. Драться Герман решительно не умел. Что-то внутри сжималось при мысли, что нужно ударить человека в лицо. Иногда по ночам находило – мальчик горячо и путано молился, упрашивал бога изменить глупую жизнь. Ведь можно как-то иначе. Герман был готов ходить в любую другую гимназию, а еще лучше – сдать экзамены экстерном. Видит бог, смог бы, даже без репетиторов, лишь бы не выходить к доске, не чувствовать, как позорно промокает от пота мундир под мышками. Но мама так гордилась тем, что сын ходит в знаменитую 10-ю гимназию. Платить в год сто рублей за обучение было практически непосильной задачей, семье приходилось отказывать себе во многом. Герман молчал. Мама часто подходила к кровати по ночам и иногда жаловалась добродушному доктору Шубину, что сын худеет, что мальчика совершенно измучили дурные сны. Доктор прописывал бром, валерьяну и рюмку красного вина перед обедом. Герман покорно пил лекарства, корпел над домашними заданиями и по утрам тащился на ежедневную голгофу. Ждал каникул и лета. Остались в памяти смутно-счастливые вечера, когда на коленях мурчала престарелая кошка Пуся и вновь можно было бесконечно разглядывать знакомые иллюстрации Гульда. Орнитоло-

гия стала истинной страстью мальчика. Герман упорно экономил копейки, часами простаивал у витрины охотничьего магазина, разглядывая свистки и чучела. Птицы казались чудом. Легкие, свободные, непостижимые в своем совершенстве. Герман разглядывал клетки с попугаями, по воскресеньям ездил на рынки. Мама удивлялась – почему он не хочет купить кенара или хотя бы щегла? Она не понимала. Птицы непременно должны летать. Да, Герман с удовольствием завел бы голубей, но это требовало слишком больших финансовых вложений и затрат времени. А клетки для щеглов… В курятниках пристало держать кур. Герман был готов тайком признать, что, пожалуй, разведение кур весьма увлекательное занятие, но сболтнуть подобное вслух? Нет уж, насмешек и так предостаточно. Два года он копил деньги на хороший бинокль. Ждал того мгновения, когда можно будет самостоятельно ездить за город, доставать из футляра мощное оптическое устройство и…

И убегать от людей к птицам. Трусливо скрываться, отшельничать, забыв обо всем дурном. Тешиться самообманом. Страусы не прячут голову в песок – сие есть забавный миф. Но Герману хотелось стать именно таким мифическим страусом.

Курица не птица, баба не человек, прапорщик не офицер. Теперь у Германа имелся отличный германский бинокль. В госпитале сохранили футляр вместе с позорной шинелью и тощим вещмешком. Не сперли, не иначе как аура героя по-

мешала. Ну, хоть что-то…

Гимназическая пытка давно осталась в прошлом. Промелькнули как кошмарный сон выпускные экзамены. С баллами в аттестате, вымученными сутулым долговязым юношей, робкую мечту о поступлении на факультет естествознания оставалось лишь отбросить и поскорее забыть. Да и не до орнитологии было ныне в огромной империи. Третий год шла Великая война. И похищало великое чудовище мужчин, молодых и зрелых, храбрых и трусливых, полуграмотных и образованных, пожирало на Марне и в Восточной Пруссии, под Верденом и на жутких полях Галиции, выплевывало безногими, безрукими калеками-объедками в тыловые госпиталя и домой, к безутешным семьям.

Германа поджидала 4-я Московская школа прапорщиков. Плакала мама, сам юноша оставался безразлично-спокойным. Герман давно читал пугающие газетные статьи и чувствовал – так и получится, непременно убьют. Прав был мрачный датский сказочник – люди рождаются, чтобы танцевать на ножах. Даже когда абсолютно не способны вообще танцевать. Девушек и танцев Герман боялся почти так же, как войны.

Боялся, пока не появилась Лариса – дочь одного из старинных отцовских знакомых. Полковник погиб еще в 15-м, под Перемышлем. Лара – светлая и веселая, курносая маленькая фея – жила на Болотной. Вместе ходили в синематограф, два раза в театр, Герман уже носил военную шинель,

просиживал дни напролет в душной аудитории, зубря уставы, маршировал на плацу и разучивал приемы штыкового боя. Тыкать штыком в соломенное чучело было, в общем-то, несложно. Особенно если не думать, к чему именно ты готовишься. К некоторому своему удивлению, Герман обнаружил, что он далеко не самый бездарный ученик в школе армейской бессмыслицы. Память не подводила, очки делали юношу взрослее. На очках настояла мама – левый глаз чуть сдал. Минус один, не такой уж недостаток, но мама опасалась, что зрение продолжит садиться. Сосредоточенного юношу ставили в пример на теоретических занятиях. Правда, ни на плацу, ни на стрельбище похвастать Герману было нечем. Впрочем, хвастать не приходило в голову – Герман совершенно точно знал, что погибнет в первый же день пребывания на фронте. Эта мысль так давно и прочно заняла место в голове, что казалась аксиомой, известной с детства. Герман не роптал, жизнь есть жизнь, и смерть естественный ее итог. Лариса – горькая радость на прощанье.

В школе прапорщиков учились и уже побывавшие на фронте нижние чины. Герман слушал их малоправдоподобные рассказы равнодушно – мертвым лишние познания ни к чему. Разговоры о предательстве генштаба, о германских шпионах, сплетни о царице и о диком сибирском мужике и прочие социалистические бредни юношу совершенно не интересовали. Политики Герман сознательно и брезгливо сторонился, что, правда, почему-то весьма возмущало Ларису.

С девушкой Герман не спорил. Право слово, есть ли смысл ломать копья по поводу парламента и каких-то отстраненных свобод? Что Франция со своим свободомыслием, что Германия и Россия со своими монархами – все одинаково гонят людей на убой. Человечество вообще весьма странный вид животных.

В самом конце 1916 года Герман досрочно получил погоны с единственной звездочкой и совершенно сразившее его назначение в штаб 6-й армии. Теперь на погонах прапорщика Землякова-Голутвина красовались скрещенные пушки, что было абсолютно нелепо, так как Герман окончил пехотную школу прапорщиков. Впрочем, новые обязанности молодого офицера оказались равноудалены и от пехоты и от артиллерии, в которой он ни бельмеса не смыслил, хотя и числился отныне прикомандированным к ГАУ. Созданный уже во время войны отдел управления занимался оптическими приборами. Работы оказалось много. Армия изо всех сил пыталась ликвидировать вопиющий недостаток точной оптики. Катастрофически не хватало панорам, биноклей, стереотруб и перископов. Герман непрерывно мотался между Петербургом, заводами и фронтом, развозил и собирал опросные листы, требования, рекламации и докладные записки о внедренных самодельных изобретениях. Ежемесячно бывая в прифронтовой полосе, Герман обычно не забирался дальше штаба полка, но несколько раз попадал под действительно плотный обстрел, да и пулеметные очереди

слышал весьма близко. Правда, командировки бывали так скоротечны, что чувства особой опасности молодой прапорщик не испытывал. Думать о смерти было попросту некогда. Убитых он видел предостаточно, но особенно тяжелое впечатление вызывали эшелоны с ранеными. Герман искренне надеялся, что лично его смерть будет мгновенной. Между тем служба захватила полностью. Непосредственный начальник – полковник Шерер – оказался удивительно спокойным и доброжелательным человеком. Молодому прапорщику, по сути выполнявшему обязанности курьера, Шерер – частенько доверял и более ответственные поручения. Герман ездил в Саратов, где в спешке пытались наладить выпуск биноклей, часто бывал в столице на Чугунной улице, где РАООМП[4] наращивал производство оптики. Дело, бесспорно нужное и необходимое, двигалось невыносимо трудно. Молчаливого худого прапорщика везде встречали с досадой и недовольством. Казалось, война опостылела даже конторщикам на заводских складах. Герман никогда не повышал голоса, не кричал и не грозил контрразведкой и военно-полевым судом. У него появилась привычка непоколебимо, с фаталистической стойкостью ожидать подписания нужных бумаг, отпуска необходимых материалов и отправки затребованных грузов.

В феврале произошло нечто, слегка удивившее Германа,

---

[4] РАООМП – Российское Акционерное Общество Оптического и Механического Производства.

но не изменившее его пессимистических воззрений на человеческую природу. Отречение Государя Императора, по мнению прапорщика, особого значения не имело, но вся смута со стрельбой и бесконечными митингами, безусловно, ослабляла и так истощенное государство. Впрочем, в эти дни Герман чаще бывал в тихом городе Изюме, где начиналось строительство важнейшего завода оптического стекла. Герман еще дважды побывал в столице, съездил на фронт, обнаружил, что фронта, как такового, больше не существует. Массовое дезертирство производило угнетающее впечатление. Герман искренне ненавидел войну, но, видит бог, совсем не так ее следовало заканчивать. Страна разваливалась на глазах.

Сейчас, бредя под каштанами и неся на плече опостылевшую шинель, Герман понимал, что отъезд в последнюю командировку в безмятежный провинциальный Изюм был откровенной трусостью. В Москве было неспокойно, в Питере тоже. В семнадцатом году молодой прапорщик без особых угрызений совести нацепил красный бант на грудь. Глупейшая мода, впрочем, от моды иного ждать и не приходилось. Идиотизм. Даже кошка Пуся из безоблачного детства нынешнего специалиста по оптическим приборам, когда на нее цепляли ленточку, мяукала и царапалась. Банты, бархотки и кружева к лицу избалованным барышням и девицам определенного рода занятий. Но если народ жаждал утешиться

мишурой…

Мишурой не ограничилось. Герман сам себе не признавался, но ведь чувствовал, чувствовал – нет пределов глубинам человеческого падения. Адвокаты, институтки, матросы, мастеровые, горничные, поэты-авангардисты, христолюбивые мужички – все дружно и азартно лишались рассудка. Да черт с вами, пусть Дума, пусть Учредительное собрание, царь, султан, совет вождей племени, анархо-большевики, эсеро-монархисты, – ради всего святого, только элементарный порядок сохраните! Потерять сотни тысяч солдат в чудовищной бойне, затем бессмысленно открыть фронт и по-тараканьи разбежаться, голося о предательстве, об измене. Как можно так мгновенно и так необратимо поглупеть? Мир необходим? Так давайте переговоры – с немцами, с союзниками, с социал-демократами, хоть с чертом лысым. Только сохраним лицо, сбережем человеческие жизни и страну.

Какое же говно получилось.

Немцев лицом к лицу Герман увидел в Изюме.

Разъезд кавалеристов на громадных медлительных лошадях выехал к крайним домам. Шестеро всадников в стальных шлемах настороженно оглядели замерший у забора пост добровольной милиции. Унтер поманил старшего из изюмцев.

Через минуту отставной однорукий капитан Омельченко вернулся и потерянно сказал:

– Приказано немедленно расходиться по домам. Приказ о сдаче оружия будет оглашен дополнительно.

Пятеро милиционеров, мигом превратившись в напуганных обывателей, разошлись по домам. Герман не помнил, издавали ли немцы приказ о сдаче оружия и последовал ли кто-нибудь этому приказу. Свой «наган» прапорщик прятал в собачьей будке. Престарелый Полкан не возражал. Сдать револьвер в такие времена мог только полный идиот. В конце концов, «наган» можно было куда как выгодно обменять на рынке.

Немцы в Изюме не задержались. Потом приходили петлюровцы, затем вернулись большевики. Слухи из Москвы и Киева доходили чудовищно неправдоподобные, фантастические. Вокруг города творилось что-то первобытное. Власти в селах не было принципиально, если только там не задерживался какой-либо военный отряд. Впрочем, присутствие организованной военной силы просто превращало стихийный грабеж в организованную экспроприацию.

Писем Герман уже не ждал. Неуверенные попытки выбраться в Москву не удались – то дорога была перерезана какими-то невнятными повстанцами, то под Люботином некий таинственный Киквидзе вел бой с немцами, и поезда опять не ходили. Маринка Семеновна смотрела на поездки жильца косо. Вообще-то Марина была женщиной доброй, к постояльцу относилась по-родственному. Особенно ночью. Муж хозяйки с фронта не вернулся – то ли погиб, то ли заблу-

дился в лабиринте бесконечной революции. Герман возился во дворе, потихоньку осваивал домашний труд, уже весьма прилично колол дрова, косил и возил на пару с соседом сено. Сосед молчаливость и длинные жилистые руки прапорщика одобрял. Собственно, Маринка Семеновна тоже на постояльца не жаловалась.

Герман чувствовал себя утонувшим в бесконечном бреду. Так уже было, когда зимой валялся в тифу. Безвременье, жар, часы, ползущие, как года, и дни, скачущие, как минуты. Мозг не реагировал, руки куда-то вяло тянулись, по стенам плыли тени сказочных монстров. Тиф прошел, бред остался. Перина, свалявшаяся буграми, Маринка, горячая и душная, как ожившая перина. Герман не хотел, но делал. Она была по-своему, по-изюмски мила, ласково шептала по-украински, губы были мягки, руки осторожны. Герман стонал от прикосновений пухлых пальцев, загорался. Стонали дуэтом, потом жадно пили холодный взвар. Марина засыпала, закинув крупную руку на шею квартиранту. Это было хуже всего. Прапорщик Земляков-Голутвин существовал в безвременье, но даже в безвременье его мутило от пучков рыжих густых волос, торчащих из подмышек сожительницы. Просто наваждение какое-то. Временами, ремонтируя калитку или вороша сено, Герман цепенел, вспоминая эти первобытные клочки курчавой шерсти.

Прапорщик с забинтованной головой поморщился и ре-

шительно прибавил шагу. Все в прошлом. И обиженная Маринка Семеновна, и добродушный Полкан, и две коровы в хлеву, и символические дежурства гражданской милиции. Настигла Москва, напомнила о себе, вытолкнула на большую дорогу.

Письмо проплутало четыре месяца. Лариса взахлеб, торопливо и небрежно сообщала о новостях. О непростой обстановке в новой столице, о мятеже мерзавца Савинкова, о неистовстве революционных масс после гибели вождя Ульянова, о необходимости жесточайшего террора. Через строку упоминала какого-то Георгия.

«…Какие же мы были глупые! Георгий повторяет, что прекраснодушие и идеализм мы обязаны решительно отбросить, бесповоротно оставить в старом мире. Революция обязана защищаться. Да, расстрелы! Да, заложники! Пусть! История нас оправдает! Как жаль, что тебя сейчас нет в Москве. Уйма дел. Как воздух нужны честные образованные товарищи. Георгий тысячу раз прав: долой чистоплюйство, к черту заплесневелое старье издохшей России…»

И в конце: «Гера, не могу передать, как мне жаль твою маму. Я едва успела на похороны. Ужасно! Боюсь, ты даже не отыщешь могилу. Хоронили в Нескучном, там за зиму выросло преогромное кладбище».

– Едешь? – Маринка Семеновна смотрела исподлобья. – Ну, счастливый путь. Только зачем поспишати? Їхав би вже

на річницю. Та и то… Куди бігти? Хоч зачекай доки офіцери червоних розіб'ють. У місті битися, кажуть, будуть. Погано тобі, тутеньки, га?[5]

– Поеду. Нужно съездить, – пробормотал Герман, пряча глаза. Врать женщинам он так и не научился.

Маринка кивнула и, подхватив ведро, пошла в хлев. Сердито прикрикнула на коров.

На Изюмском вокзале Герман просидел почти сутки. Поездов не было. Говорили что большевики, отходя под Змиёвом, взорвали железнодорожных путей чуть ли не на десять верст. К Маринке возвращаться было стыдно. Герман подумывал идти до Змиёва пешком. Решение уйти окончательно окрепло и даже как-то облегчило душу. Главное, ни о чем не думать. Идти, ехать, скакать, ползти. Но не думать.

Город был пуст. Ревком заперт, красная тряпка над старым особняком снята. Опять наступило безвластие.

Ночью к вокзалу осторожно, без огней, подползла бронеплатформа. Короткий ствол горной трехдюймовки принюхивался к предутренней тишине. С передней платформы, блиндированной мешками с песком, соскочил поручик с двумя солдатами. Настороженно озираясь, солдаты пошли

---

[5] Ехал бы уже на годовщину. Да и то… Куда бежать? Хоть подожди, пока офицеры красных разобьют. В городе сраженье, говорят, будет. Плохо тебе здесь, да? (*укр.*)

к темному зданию вокзала. Герман, в компании двоих незадачливых путешественников, застрявших проездом из Луганска, наблюдал из окна. Решился. Одергивая шинель, кинулся к двери.

– Господин поручик, красных в городе нет. Ушли. Полное безвластие. Докладывал прапорщик Земляков-Голутвин. Разрешите присоединиться к вашему отряду?

Поручик опустил «маузер»:

– Давно здесь, прапорщик?

– Был откомандирован приказом генерала Корнилова для возобновления работ на заводе оптического стекла. Потом тиф. Пока оправился…

– Понятно, – поручик одобрительно посмотрел на артиллерийские эмблемы. – Батареец?

– Оптик, – признался Герман.

– Вижу, – засмеялся доброволец, кивая на очки прапорщика. – Окрестности знаете?

– Вполне, – твердо заверил Герман, все еще не веря, что полуложь проскочит с легкостью.

– Мы – разведка. Имеем задание проверить дорогу до города и дальше. Проводник не помешает.

* * *

Колеса постукивали на стыках рельсов. Герман с поручиком устроились за мешками по правому борту платформы.

Впереди сидели двое наблюдателей и пулеметчики у «максима».

– Так и летим с ветерком, – сказал поручик. – Красные бегут, только лапти сверкают. Вы, кстати, знаете, их здешний главнокомандующий, Ворошилов, – из шахтеров. Учит краснозадых окапываться в три профиля. Да-с, с городом придется повозиться. Ничего, дня за три управимся. Бегут коммунарии, бегут.

– Надеюсь, этот Ворошилов будет незаменим на каторге. Как говорится, «личным примером вдохновит», – пробормотал Герман.

– Шутите? – поручик тихо засмеялся. – Вот уж – дудки! На Красной площади. На фонарях. Не спеша. И сначала обязательно шкуру содрать. Хотя бы с ног. Комиссары, знаете ли, обожают кавалерийские сапоги. Все до одного получат, будьте спокойны. Хотели свободы варварства – хлебайте досыта.

– На Красной площади фонарей не хватит.

– Говорю же – не спеша. Прилюдно. Под барабаны. Что-то вы невеселы, Земляков-Голутвин. У нас так не принято. У нас и в штыки с шутками ходят. Мандражируете с непривычки?

– У меня мама в Москве умерла. Недавно узнал.

– Сочувствую. Ничего, через пару недель, максимум через месяц, будем в Первопрестольной. Наведем порядок.

Герман думал о том, как будет искать могилу матери.

Представить тенистый и спокойный Нескучный сад, превращенный в кладбище, решительно не удавалось.

– Вашбродь, кажись, к стрелкам подходим, – доложил наблюдатель.

– Там входные стрелки и будка смотрителя, – поспешно сказал Герман. – Надо бы проверить.

Бронеплощадка сбавила ход. Солдаты спрыгнули на насыпь. Герман соскочил следом. Вокруг клубилась полутьма раннего летнего утра. Просто удивительно, насколько тихо. За спиной притаился огромный зверь-паровоз. Тихо дышал жаром и угольной пылью.

– Шуфрич, чего ждем? – вполголоса спросили с бронеплощадки. – Рассвет скоро.

– Сейчас сделаем, Петр Константинович, – отозвался поручик. – Значит, мы к стрелкам. Вы, прапорщик, проверьте хижину. Федор, сходи с господином прапорщиком.

Герман, стараясь держаться уверенно, зашагал к «хижине». До сторожки стрелочника оставалось с сотню шагов. Солдат с винтовкой на плече шел следом. Конвоир-телохранитель. Да-с, господин прапорщик, доверие требуется еще заслужить. Перепрыгивая через рельсы, Герман чуть не споткнулся.

– Да вы не извольте беспокоиться, – вполголоса сказал Федор. – Красные ныне пуганые. Меньше чем батальоном в засаду не садятся. А батальон мы за пять верст учуем. Красно-

пузые-то у вас в городе шибко зверствовали?

– Не слишком. Не успели. Рабочий отряд с завода как ушел в восемнадцатом году, так и пропал. Комиссарики, что остались, красную тряпку над крыльцом поднимут и приказы строчат. А как немцы или еще кто у города, так комиссары в кусты. ЧК у нас только проездом бывала.

– Повезло городку. Мы давеча под Лозовой с чекистским отрядом схлестнулись. В мозг бились, до штыков дошло. Злобятся, сучьи дети.

– Федор, вы бы потише говорили, – обеспокоенно сказал Герман. – Мало ли…

– Да что там, – снисходительно сказал солдат, но винтовку взял на руку. – Вон, темно. Спит обходчик. Или вообще заколочено. Бардак нынче на чугунках.

Маленький домик у переезда действительно хранил мертвый вид. Конура за низким плетнем была пуста, валялся пустой ошейник. На кривой яблоне сонно чирикнула птица. «Пеночка-теньковка, – подумал Герман. – Вот глупые, любят у жилья устраиваться».

Федор ткнул прикладом дверь:

– Есть кто? Открывай живо!

После паузы из-за двери с опаской спросили:

– Та що ви ломитеся? Я ж при службі. Що вам треба? Ви хто таки?

– Добровольческая армия, – строго сказал Федор. – Полк имени его превосходительства генерала Корнилова. Слы-

хал? Отворяй сейчас же! Чужие в доме есть?

– Та, боже ж ти мій, які чужі? Заходьте, будь ласка. Зараз лампу запалю…[6]

Лязгнул крюк на двери. Федор, держа винтовку наперевес, сунулся в сторожку. Герман, пригибая голову пониже, чтобы не задеть фуражкой низкий косяк, шагнул следом. В нос шибануло спертым, густо пропитанным сивушными парами воздухом. «Да что ж он так напивается? Еще стрелочник, черт бы его побрал», – успел подумать прапорщик.

Два раза грохнуло-сверкнуло – прямо в глаза. Ослепленный Герман инстинктивно присел. Впереди рухнул, больно задев каблуком по колену, Федор. Лязгнула упавшая винтовка.

– От то твоя мамка… – со злорадством начал кто-то в углу.

Стрелять Герман стал исключительно с перепугу, ничего не видя, в глазах еще плавали радужные круги после слепящих вспышек выстрелов. «Наган» в руке коротко дергался, рассылая пули в углы тесной комнаты. Что-то звенело и трещало. Револьвер в поднятой руке уже всухую щелкал курком. В оглушенные уши лезли хрипы и стоны. В комнате шевелилось что-то большое, многоголосое. Мимо качнулся кто-то высокий, обдал вонью пота. Герман судорожно щелкнул вслед курком пустого «нагана». Захрустело громче,

---

[6] Боже ты мой, какие чужие? Заходите, пожалуйста. Сейчас лампу зажгу… (*укр.*)

огромный силуэт оседал, хватаясь и отдирая одеяло, занавешивающее окно. В сером сумраке прапорщик увидел лежащие на полу фигуры. Еще одна запрокинулась поперек железной кровати. Медленно приподняла с подушки руку с нелепым обрубком трехлинейки. Герман с ужасом смотрел, как обрез поворачивается в его сторону, слепо целит куда-то в живот. Прапорщик зажмурился. Секунда показалась длиною в год. Выстрела не было. Герман приоткрыл глаза, – человек на кровати, очевидно раненый, пытался передернуть затвор обреза. Взвыв от нового приступа ужаса, Герман швырнул в сторону кровати револьвер. Видимо, попал – человек охнул, снова потянул затвор обреза. Не слыша собственного воя, прапорщик кинулся к кровати, сапоги наступали на мягкое, еще живое, Герман двумя руками отпихнул обрез, угодив прямо в лицо владельцу. Тот жалобно охнул. Герман еще раз нажал на обрез, вдавливая его в отворачивающееся лицо раненого. Сбоку кто-то с коротким блеяньем вскочил на ноги, кинулся из угла к двери, споткнулся, упал на тела. Лежа, обернулся, вскинул руку. Герман успел заорать: «Мама!» – чуть ли не в нос ударил факел револьверного выстрела. Втянув голову в плечи, прапорщик сполз с кровати на пол. Блеющая фигура, не глядя, выстрелила еще раз – пуля ударила в лежащего на постели. Тот захрипел. Герман, в полном ужасе, рванулся на четвереньках вперед, ударил головой и плечом, оттолкнул руку с револьвером. Противник, мелкий и суетливый, брыкался и лязгал зу-

бами. Прапорщик инстинктивно пытался перехватить оружие. Неожиданно враг лягнул Германа в живот, вырвался и, вскочив на ноги, устремился к двери. Снова споткнулся о чью-то голову, упал на колени, взвизгнув, вскинул револьвер. Прапорщик сунулся лицом в пол, ободрал щеку о подкованный каблук одного из лежащих. Пуля прошла над головой. Застонав, Герман заерзал, пытаясь найти хоть какое-то укрытие. Мелькнула мысль закатиться под кровать. Враг у двери пытался вскочить, пискляво матерился. Герман полез ногами под кровать, рука наткнулась на что-то знакомое, покато-деревянное. В совершеннейшем отчаянии прапорщик вскочил, замахнулся наотмашь. Винтовка зацепилась за стол, сшибла чугунок, но приклад все-таки настиг противника. Человечек охнул, ухватился за плечо, вскрикнул: «Пусти, кат!» и, подпрыгивая на заднице, попытался отползти к порогу. Револьвер все еще был в его руке. Герман перехватил винтовку удобнее, тускло блеснуло острие штыка. Человечек уже выбрался на порог, привстал в дверном проеме. Прапорщик вложил в укол-удар всю силу и ненависть. Четырехгранный штык вонзился между лопаток, задел позвоночник, вошел до упора. Герман, одурев от ужаса, сделал столь знакомое движение, словно вновь работал вилами на сеновале. Легкого человечка на штыке приподняло, кинуло вперед. Прапорщик отпустил винтовку, человечек беззвучно вылетел на низкое крылечко, сделал лягушачье движение ногами и замер. Винтовка грузно покачива-

лась, торча из спины, покрытой овчинной безрукавкой.

Герман попятился, наступил на мертвеца, споткнулся и жестоко врезался во что-то затылком. Мир мгновенно погас.

* * *

Сейчас, медленно шагая по улице, носящей истинно малорусское название «Пушкинска», Герман догадывался, что тогда, в сторожке, со всей дури приложился черепом о сложенные в углу ломы и кувалды. Правы товарищи большевики – страшнее молота оружия не бывает.

Отлежавшись на относительно чистой госпитальной койке и наглотавшись порошков, Герман мог воспринимать произошедшее с некоторым юмором. Вот так и становятся героями, когда под кровать закатиться не удается. Да бегущие на выручку корниловцы были впечатлены молодецки вышвырнутым на штыке большевиком. В сторожке, кроме несчастливца Федора, обнаружили четырех бездыханных злоумышленников. Одним из покойников был стрелочник. Герман подозревал, что железнодорожный рабочий сам пал жертвой ночных налетчиков, но объясняться и высказывать собственные версии произошедшего было поздно.

Путешествие на бронеплощадке Герман помнил отрывочно. Он, с толсто замотанной головой, лежал под шинелью, и стук колес непрерывно раскалывал и раскалывал пострадавший череп. Кажется, несколько раз сознание оставляло пра-

порщика. То летела, то стояла платформа, завывал мамонтом паровоз – было это или галлюцинации? Бредовое состояние. В общем, все как обычно в никчемной жизни Германа Олеговича Землякова-Голутвина.

Герман, отдуваясь, остановился, перевесил вещмешок на другое плечо. Где эта чертова улица Гоголя? Пришлось спросить у прохожего. Субтильный господин объяснил пространно, излишне подробно и даже с некоторым подобострастием. Его пухлая дама смотрела на перевязанную голову изнеможенного офицера со страхом и восхищением.

Всё – миф. Доблесть, храбрость, воспетое в легендах мужество – миф. Люди грызут, режут, стреляют друг друга исключительно из банального животного ужаса. Не ты – так тебя. «Ликвидирована группа чекистских лазутчиков, готовившая диверсию на пути бронеплощадки «Белый боец». Блеф. Приписки-с, господа. Да и были ли те бандиты красными? Никаких опознавательных знаков на покойниках Герман не помнил. Впрочем, все они, хамы, одним миром мазаны.

Перед штабом Герман еще присел передохнуть, привел себя в порядок. Поправил кобуру и погоны. Погоны пришивали уже в госпитале. Кто-то из посетителей принес. В сущности, господа добровольцы вполне достойные люди. По крайней мере, воспитанные. Вот только сдирать кожу с ног

«по-кавалерийски» – пардон, некоторый перебор. Впрочем, господа комиссары и краскомы вполне заслужили адекватное обращение. В конце концов, покойный господин-товарищ Ульянов первый прибег к террору.

В штабе долго мучиться не пришлось. Герман получил новенькое удостоверение личности, жалованье и отпускные. Штабс-капитан, распоряжавшийся бухгалтерией полка, любезно пожелал скорейшего выздоровления и по-товарищески пожал руку. Герман, отвыкший от армейской четкости и исполнительности, казалось, навсегда покинувшей Россию году этак в шестнадцатом, с некоторым удивлением понял, что приятно вновь ощутить себя военным человеком. Собственно, чем плоха идея войти в Москву в рядах возродившейся российской армии-освободительницы? В конце концов, вряд ли проверку всех стрелочных будок по железнодорожной линии Белгород – Орел – Москва сочтут нужным поручать исключительно подпоручику Землякову-Голутвину. Значит, есть шансы выжить.

Уже перед уходом Германа попросил заглянуть в свой кабинет коренастый, бритый наголо подполковник.

– Садитесь, Герман Олегович. Как себя чувствуете? Чаю хотите? Давайте, давайте, прошу без церемоний.

Герман потягивал крепкий чай, машинально жевал теплый пирожок с повидлом и гадал, что нужно радушному подполковнику.

– Пирожки просто чудесные, – с удовольствием сказал подполковник. – Дары благодарного города. Ах, если бы видели, как нас встречали! Цветы, барышни, ликование воистину всенародное. Завтра прибывает Сам. Будет проводить парад на Соборной площади. Не хотите полюбоваться?

– Увы, боюсь, духовой оркестр доконает мой несчастный череп.

Подполковник засмеялся:

– Полноте, Герман Олегович, в вашем-то возрасте, за несколько дней придете в форму. Что в двадцать лет какой-то несчастный удар прикладом? Но отдохнуть вам, бесспорно, необходимо. Значит, на воды, в Бурузовку?

– Доктор настоятельно рекомендовал.

– И совершенно верно, отдохните, переведите дух. Дорога на Москву практически открыта, но ее еще нужно пройти. Отчаянные бойцы нам нужны. Для техника-артиллериста у вас просто потрясающие навыки штыкового боя. Сейчас у нас каждый опытный боец на счету. Слышали о полковнике Туркулове? Идиотская случайность, шальная пуля, и, пожалуйста – тяжелейшее ранение. Дроздовцы в ярости, обещают прочесать окраины и устроить пролетариям кузькину мать. Отдыхайте и возвращайтесь с новыми силами. Приказ о вашем производстве в подпоручики будет подписан на днях. А пока у меня к вам маленькая просьба. Вы ведь прямо сейчас на вокзал? Уж не сочтите за труд…

Спускаясь по лестнице, Герман совершенно утвердился в мысли, что подполковник неназойливо вовлек контуженого прапорщика в сферу деятельности контрразведки. Впрочем, просьба была необременительной – присмотреть в дороге за двумя женщинами и ребенком. Мальчик направлялся к родственникам, монахини его сопровождали. Все трое из разоренного приюта, что был при Свято-Борисо-Глебском монастыре. Люди сугубо безобидные, разве что бормотанием молитв будут докучать господину прапорщику. Но в данном случае уместно проявить сочувствие. Гонимые странники существа мнительные, командующему уже второй день докучают, охрану просят. В общем, сопроводить их подальше от штаба – дело богоугодное.

Герман понял – мальчишка, очевидно, родственник какого-то высокого чина, раз сам командующий генерал-лейтенант Май-Маевский проявляет о нем заботу. Бог с ними, с божьими странниками. До Лозовой даже по нынешним временам ехать всего ничего. Правда, потом самому Герману придется сделать крюк, но просьба начальства – есть закон для подчиненного. На Бурминводах отдохнем.

Герман посидел во дворе. Здесь царила обычная штабная суета, бегали посыльные, возился с накладными хозяйственный унтер, ходили щеголеватые многочисленные офицеры. Часовой отгонял от кованой ограды любопытных мальчишек. Герман, кряхтя, встал. Затылок ломило, но голова уже

не кружилась. Герман все-таки счел за лучшее взять извозчика.

Седоусый малоросс всю дорогу бубнил о «клятих комуняках, що утекли та усі гроші в броньовому вагоні до Москви увезли»[7]. Герман не слушал, старая пролетка уютно поскрипывала, мягко постукивала колесами, отчего тянуло в дрему. У моста через Лопань пролетку с урчанием обогнал черный «Паккард». На заднем сиденье красовалась роскошная пара: полковник-корниловец в новеньком френче и до неприличности обворожительная юная девица. С букетом на коленях, в небрежно повязанном на рыжие волосы шелковом шарфе. Глаза у красотки были потрясающе огромные, шалые. Мимолетно улыбнулась Герману, шевельнула плечиком, полускрытым кружевами.

«Паккард» умчался. Кучер ворчал на заволновавшуюся лошадь. Герман мрачно размышлял о том, почему некоторые люди обречены пожизненно сопровождать или скучнейшие деловые бумаги, или престарелых монашек с сиротами. Впрочем, прелестных фей с пугающе-безумными глазами господин Земляков-Голутвин ужасно боялся с раннего детства.

---

[7] «Проклятых коммунистах, которые сбежали и все деньги в броневом вагоне до Москвы увезли» (*укр.*).

Глава 4

Было бы интересно выяснить, не следует ли такие решения исключать из рассмотрения на основе физических соображений.
Эйнштейн А.

Эх, яблочко,
Ты мое спелое.
Вот барышня идет —
Кожа белая.

Кожа белая,
Да шуба ценная.
Если дашь мне чего,
Будешь целая.

Песня «Яблочко». Махновский вариант

Короткое мерцание – и из ничего появились две фигуры.

Земная твердь знакомо ударила по подошвам, Катя покачнулась и выпрямилась. Товарищ майор на ногах не удержался и сейчас поднимался с четверенек.

– Ни черта на приземление с парашютом не похоже.

– Так это вы все насчет сотни прыжков намекали, – со злорадством заметила Катя. – Вам виднее, я сразу сказала, что ни разу парашют не надевала.

– Ладно, будем знать, – Виктор Иванович отряхнул на ко-

ленях парусиновые брюки, оглядел пиджак, констатировал:
– А смокинг ты мне все-таки подпортила.

– Нужно же было придержать, а то усвистели бы вы, товарищ майор, неизвестно в какую эпоху.

– Звания пора отставить. Насколько я понимаю, мы на месте. Самое время перейти на нелегально-интимное положение.

Катя хотела фыркнуть, но сдержалась. Вокруг пахло ладаном и воском. Над головой простиралась роспись громадных куполов. За спиной белел высоченный иконостас.

– Каррарский мрамор, – майор кивнул на иконостас. – Я на экскурсии запомнил. Красота неописуемая. Ну, поблагодарим господа нашего за благополучное прибытие да и побредем потихоньку, – Виктор Иванович размашисто перекрестился на иконостас.

Катя поправила платок на голове. Подошли к огромным дверям. Виктор Иванович деликатно постучал по массивному засову, – акустика в храме была прекрасная. На стук откуда-то из-за угла вынырнул недоумевающий служка.

– Милейший, ты бы нас с барышней выпустил, – ласково сказал Виктор Иванович. – Увлеклись мы молитвой, уж извини, братец. Благолепно здесь, словами не описать.

– А вы… – изумленно начал служка.

– Понимаю, от трапезы оторвал, – понимающе закивал Виктор Иванович. – Ты дверь замкни и иди себе, иди…

Катя и майор вышли на солнечный свет. За спиной изум-

ленно покачивающий головой служка затворил тяжелую дверь.

– Нужно было ему рубль дать, – пробормотала Катя.

– Следующий раз хоть десятку. Сейчас в карманах одни фиги, и те не палестинские. – Майор оглядел широкие ступени паперти, парочку дремлющих нищих. – А здесь, между прочим, мало что изменилось. Разве что от реки гуще мочой несет. Ой, смотри, беляки! – Виктор Михайлович умиленно проводил взглядом двух солдат с винтовками, прошедших за оградой собора. – Значит, мы по назначению угодили. Поздравляю, Катюша, и выношу устную благодарность от лица командования. Мы ее, в смысле благодарность, потом куда-нибудь занесем.

– Угу, в комсомольскую учетную карточку. Надо бы здешнее календарное число проверить. Обратная коррекция вещь сложная.

– Проверим, – жизнерадостно заверил Виктор Михайлович. – Но я и так чую, все по плану. Пойдемте, моя дорогая.

Кате пришлось взяться за предложенный локоть. Прошли к калитке. Обделенные подаянием нищие сонно и неодобрительно смотрели вслед. За калиткой Виктор Михайлович еще раз перекрестился на огромный собор. Катя смотрела на узорные стены:

– Все-таки неосмотрительно. А если бы мы прибыли прямо под изумленные очи какого-нибудь дьячка?

– В церкви, Катюша, не как-нибудь, а дисциплина. Напри-

мер, трапезничают в одно и то же время, и блюдут распорядок чуть ли не столетиями. Вот монголы налетают, иезуиты, мирская власть то отбирает храмы, то возвращает, а прием пищи у священнослужителей проходит в один и тот же час. На том попы стоят, тем и сильны. Пример нужно брать, – наставительно сообщил Виктор Михайлович, останавливаясь на углу и кланяясь величественному храму. – Ты, кстати, тоже могла бы перекреститься. Рука небось не отсохнет.

Катя без особого воодушевления перекрестилась на храм, и командир снова подхватил ее под руку.

– Вот и славно! Главное, дисциплина и хладнокровие, тогда мы с порученным делом не хуже, чем товарищи попы с вверенным им народным опиумом справимся. Ты уж не взбрыкивай пару дней, будь так любезна. Здесь все-таки война.

– Неужели? Я, товарищ майор, вообще весьма дисциплинированная девушка. Видят боги, потому и жива до сей поры.

– Ага, так ты у нас язычница?

– В некоторой степени, – неохотно признала девушка. – Впрочем, я скорее всем конфессиям сочувствующая, пока лично меня проклинать не начинают и на костер не волокут. Виктор Михайлович, нельзя ли мой локоть так не тискать? Или синяки в «легенду» входят?

– Какая же ты мелочная, Катерина Георгиевна. Не даешь джентльмену поухаживать, искреннее чувство проявить.

Идем, гуляем, погода прекрасная, белогвардейцы симпатичные. Веди себя естественнее.

Катя старалась. Белогвардеец, рядовой корниловец в мешковатых шароварах, подпирал столб у входа на мост и с наглым интересом разглядывал девушку.

Катя улыбнулась своему спутнику:

– Вот скотина, сейчас меня прямо глазами обрюхатит. И, между прочим, совершенно несимпатичная, прямо сказать, свинячья рожа. Не знаю, как вы, Виктор Михайлович, а я начинаю красным симпатизировать.

– Ты, Катюша, мягче улыбайся. Нежнее. Ты девушка юная, невинная, не нужно, чтобы этот беляк своими плебейскими семечками скоропостижно подавился. А глазеет он так, потому что платьице твое, ты уж прости, сверкает, как марля.

– Как обычно, – без особого удивления согласилась Катя, – с тряпьем после Прыжка не угадаешь. Иногда за час на нитки расползается. Нам до вашей явки далеко?

– Полчаса неспешной прогулки. Ты расслабься, расслабься. Ты уже свое дело сделала.

– Слушаюсь и расслабляюсь. У вас как зубы, нормально?

Виктор Михайлович озабоченно подвигал подбородком, проверяя вставные челюсти:

– Вроде нормально. Привкус только противный, металлический. Спасибо, что посоветовала бульоном пасть прополоскать. По возвращении предложу зачесть как научное

изобретение в хроно-стоматологической области.

– Мерси. Если бы мне с вами с беззубым пришлось идти, я бы сразу застрелилась.

Перешли мост. Народу вокруг стало больше. Возможно, поэтому Кате казалось, что на нее обращают меньше внимания. Девушка с интересом посмотрела, как рабочие очищают афишную тумбу. Сейчас как раз сдирали остатки плаката «Все на борьбу с Деникиным». Вообще, с каждой минутой нелепости отсталого 1919 года все меньше резали глаз. Катя недаром имела репутацию исключительно одаренного специалиста по адаптации. Правда, нужно признать, Виктор Михайлович, невзирая на дебютный Прыжок, чувствовал себя еще свободнее. Простоватый, с невыразительным лицом и лысинкой, он абсолютно не привлекал взглядов. Такой прошмыгнет мимо, через секунду его и не вспомнишь. Ценный талант для тех, кто понимает.

– Это Университетская улица. Здешний университет, между прочим, один из старейших университетов Восточной Европы. Дальше – Николаевская площадь. Исключительно красивое место. Сам бы охотно взглянул, полюбовался, пока ее сталинские специалисты не подправили. Но мы туда не пойдем. Там на послезавтра парад намечается, сам главнокомандующий пожалует. Могут и патрули попасться. А зачем нам патрули, правда, Катенька? У нас пока и бумажечек нет, и одеты мы не совсем празднично. Свернем-ка мы

к Павловской площади. На парад послезавтра заглянем, если звезды благополучно сойдутся. Полюбуемся на цвет российского офицерства, на белых рыцарей без страха и упрека. Незабываемое ведь зрелище, Катюша.

– Все-то вы знаете, Виктор Михайлович. И про парад, и про рыцарей с астрологией. Кстати, можно я вас Витюшей буду называть? Для соответствия избранным образам.

В глазах майора мелькнула насмешка.

– Ох, Катенька, льстите вы мне. Какой же я Витюша? Я же в отцы вам гожусь. Вульгарненько будет выглядеть.

– Ой, да не скромничайте, вы мне так локоток жмете, что я скоро повизгивать начну. Не по-родительски стараетесь.

– Больше не буду, – пообещал майор и слегка отпустил руку девушки.

Постояли на перекрестке, с одинаковым любопытством разглядывая проезжающих казаков. Лошади цокали копытами по булыжной мостовой, чубатые всадники сидели в седлах орлами, красуясь перед немногочисленными по утреннему времени зеваками. Есаул на гнедом дончаке лихо подмигнул Кате.

– Катюша, уж и не знаю, как вы по улицам ходите, – пробормотал Виктор Михайлович. – За тобой, наверное, горячие южные парни целыми аулами таскаются.

– Ну что вы, у них в аулах слухи быстро расходятся. С одним пообщаешься – все предупреждены. Я их почему-то смущаю. Грузия, вон, с такого перепугу вообще войну устро-

ила.

Майор усмехнулся:

– Так и знал, что без тебя там не обошлось. Ну как, в себя пришла, акклиматизировалась? Здесь уже два шага осталось, дух переведем, переоденемся.

– Хм, а могу я узнать, как вы это без внедрения агентов устроили? Явку и все такое?

– А это, Катенька, я сказать при всем желании не могу. Не знаю. У нас в структуре, в отличие от вашего демократического «К», каждый оперативник исключительно своим делом занимается.

– Виновата. Не подумавши спросила.

– Да пустяки. Мы теперь в одной обойме, – Виктор Михайлович озабоченно оглядел узкую улицу. – Может, ты минуточку здесь в теньке подождешь?

– Ты, Витюша, не дури. Я этот город и одна из конца в конец пройду, даже если платье на нитки рассыплется. Хотя тогда, конечно, нашумлю. В чем проблема?

– Да какая проблема? Вот цирюльня, загляну на секунду, расценки узнаю. Если парад созерцать пойдем, неудобно со щетиной. Поскучай, пожалуйста.

Катя озадаченно наблюдала, как напарник ныряет в двери заведения под вывеской с устрашающе намалеванными ножницами. Сквозь мутные окна ничего разобрать не удалось, но выскочил на улицу Виктор Михайлович буквально через минуту.

– С ума сойти! Элементарное бритье двадцать пять рублей! Что делается?! А господам добровольцам, между прочим, солидные скидки. Вот и будь после этого мирным обывателем.

– За что кровь лили, революцию делали? – согласилась Катя. – Только ты, Витюш, бритву из пиджака поглубже переложи, светится.

– Ай-я-яй, – майор сокрушенно переложил бритву во внутренний карман, – воровать и так нехорошо, а тут еще этот «смокинг» подводит.

– Мне ничего не прихватил? – полюбопытствовала Катя.

– Фен, что ли? У них «нэма». Там у них бедно. Полторы расчески, и помазок облезлый. И самого брадобрея на предмет педикулеза проверить не мешало бы.

– Что ж ты его совсем обездолил, последнюю бритву увел?

– Не последнюю, я запасную из ящика прихватил. Сразу орать не начнет. А с бритвочкой оно как-то надежнее. Если не понадобится – верну. Не хозяину, так наследникам.

– Мог бы еще и ножницы прихватить.

Виктор Михайлович покосился, но смолчал. Кате показалось, что знает мужичок даже больше, чем она подозревала. Вот язык у тебя, барышня, болтливый. Майор подумает, что напарница на свои давешние сомнительные подвиги намекала.

Домик угловой, одноэтажный, заросший зеленью, имел

совершенно сельский вид. Наверное, в дворике куры кудахчут и петух разгуливает.

– Пришли, – пробормотал Виктор Михайлович. – Вот здесь наше имущество и должно храниться. Свежие данные по оперативной обстановке у хозяина получим. Он человек осведомленный.

Парочка прошла вдоль заборчика мимо низеньких заштоpенных окон. К воротам Виктор Михайлович не свернул, вместо этого провел Катю вокруг большой лужи, и агенты, не меняя прогулочного шага, двинулись в переулок. Шагов через пятьдесят майор пробормотал:

– Что-то не то.

Катя и сама уже поняла. Во дворе было как-то… Заброшенно, что ли? Безлюдье ощущалось как на старом, запущенном археологическом раскопе. Даже собака молчала.

– Кажется, пришло время, как это у вас говорят, провести боевое слаживание? – Виктор Михайлович смотрел вопросительно.

– Наконец-то! Я уж думала, вы никогда не предложите.

Майор хмыкнул:

– Шуточки – дело хорошее, но я тебя действительно только по анкете знаю. Значит, так, я с тыла, а ты в калиточку сунься под каким-нибудь приличным предлогом. Только естественнее, естественнее…

Виктор Михайлович перемахнул через забор с неожиданной для его комплекции легкостью. Лихо, товарищ майор.

Катя поправила платочек на голове. Ну-ну, посмотрим как дальше. Она не торопясь вернулась к воротам. Воспитанно постучала:

– Эй, хозяева! Извините, здесь продается славянский шкаф?

После паузы скрипнула дверь дома.

– Що треба? – поинтересовался настороженный мужской голос.

– Простите, вы славянский шкаф продаете?

– Що? – изумился голос.

За забором резко хлопнула дверь, кто-то изумленно охнул, завозились. Катя на всякий случай отступила от калитки под прикрытие более надежного забора. По другой стороне улочки протопала тетка с корзиной, из которой торчало горлышко пустой бутылки. Аборигенка покосилась подозрительно.

– Хозяева, есть кто дома? – жалобно воззвала Катя.

Звякнула задвижка, калитка приоткрылась.

– Что ты пищишь? Еще погромче про славянский шкаф поори, юмористка, – пробормотал Виктор Михайлович.

– Меня какая-то кухарка засветила, – прошептала Катя и проскользнула в калитку.

На земле лежал человек в сером пиджачке, обеими руками зажимал горло. Меж пальцев обильно пульсировала яркая кровь.

– Витюш, ты себе рукав испачкал, – сказала девушка.

– Да что уж там, – с досадой сказал майор. – Капец смокингу, на спине вдрызг разошелся.

Действительно, парусиновый пиджак Виктора Михайловича на спине длинно лопнул по шву.

– На, – майор сунул напарнице «наган». – Посторожи. Я пока второго потрясу. Дерганые какие-то парнишки попались.

Вторая жертва Витюши сидела в дверях дома, бессильно свесив голову на грудь. Майор ухватил бессознательного человека за шиворот, поволок внутрь. На миг высунулся:

– Катенька, если будет слишком слышно – стукни, пожалуйста. И поосторожнее, вдруг они именно сейчас решат своих филерков сменить, – майор аккуратно прикрыл дверь.

Катя проверила барабан револьвера. Прошлась по захламленному дворику. Из вросшего в землю сарая пахнуло сыростью и грибами. Где-то жужжали мухи. Девушка обошла кадку, полную дождевой воды, заглянула за поленницу. Мухи вились над трупом черной лохматой собачонки. Вот уроды, хоть бы прикопали несчастную жучку.

Катя вернулась к калитке. Ужас из глаз лежащего человека уже ушел, взгляд, устремленный в голубое небо, помутнел. Лужа крови быстро впитывалась в землю. Стараясь не испачкаться, Катя присела на корточки и обшарила труп. С десяток револьверных патронов, жестяной портсигар с самодельными папиросами, часы. В сапоге обнаружился нож, похожий на стандартную финку, до боли знакомую

девушке. Чтобы проверить внутренние карманы, пришлось оторвать руки мертвеца от перерезанного горла. Рана была ровной, от уха до уха. Ничего в здешних цирюльнях бритвы, хоть и запасные, но острые. Во внутреннем кармане покойного нашелся потертый бумажник. Разномастные деньги, паспорт на имя Пасулько Игната Андреевича, мещанина, уроженца города Казатина Киевской губернии. Игнату Андреевичу было 39 лет, до юбилея чуть не дотянул. Ну нечего было с «наганом» шляться по чужим домам.

Катя с интересом рассмотрела деньги. Царские, советские, петлюровские, кубанские, керенские – прямо бонистическая коллекция. На экране компьютера банкноты выглядели как-то иначе. Катя брезгливо осмотрела банкноты с трезубцем. С украинскими самостийниками девушке довелось познакомиться летом 41-го года в Львове, с тех пор товарищ старший сержант всех бандеровцев, а заодно и петлюровцев с мазеповцами, на дух не выносила.

Из дома донесся придушенный вопль. Угу – шел допрос с пристрастием. Надо бы потише беседовать.

Неприличных звуков больше не слышалось. Катя посмотрела на трофейные часы – четверть третьего. По какому времени, непонятно. Тут вроде каждая власть стрелки по своему переводит, и детали сего идеологического противостояния Катя уточнить не успела.

Из дома выглянул Виктор Михайлович:

– Ну, как, тихо?

– Пока – да. Ты хоть число сегодняшнее уточнил?

– Число правильное. Тут мы не ошиблись. Только вот агента нашего – того. В погребе он, и пытаться реанимировать беднягу поздновато. Засада здесь с ночи сидит. Кого конкретно ждут, топтуны не знали. Они вообще сами на нелегальном. Ты, моя дорогая, кто такие «сечевики», случайно не знаешь? Это петлюровцы, что ли?

– Почти. Но у них вроде главным гетман Скоропадский, и они с Петлюрой гавкаются, хотя тоже за всемирную приватизацию усих запасов сала и великую неделимую Украину от Житомира до самых Пятихаток. Ну, это если в очень общих чертах.

– Политика, – майор задумчиво вытер руки об изжеванные брюки. – Что-то я не пойму, они вроде не нас ждали. Где-то прокололся наш связной. Ладно, попозже разберемся.

– Уходим?

– Вот еще! Пока кроме легкого морального удовлетворения мы ничего не получили. Где наше законное имущество? Придется пошарить. Только сначала слегка приберемся.

Он склонился к трупу, Катя ухватила покойного за вторую руку, и тело отволокли в сарай.

– Мертвецов ты не боишься, про гетмана знаешь, – бодро расточал комплименты Виктор Михайлович. – Катенька, я начинаю испытывать глубокое личное чувство. Я, между прочим, холост.

– Идите на фиг, товарищ майор, – в сырости сарая Катя

присела и задумчиво потрогала покойного за ногу. – А сапоги-то – почти мой размер.

– С ума сошла! – ужаснулся Виктор Михайлович. – Куда ты в таких говнодавах? Мы люди приличные и выглядеть должны соответственно. Здесь же не Советская власть, чтобы безлошадным происхождением щеголять.

– Витюш, мало того, что ваш костюмер мне жутко неудобные туфли всучил, так на левой ремешок уже лопнул. Переодеться нужно срочно. Ты на себя посмотри.

– Спокойствие, только спокойствие. Тот жовто-блакитный[8] клялся, что ничего, кроме двух «стволов», они в хате не нашли. Должны сохраниться тайники с нашим имуществом. Как здесь принято говорить – пошукаем.

«Шукать» майор умел. Он неторопливо и вроде бы бесцельно передвигался по комнатам, Катя сидела у окна, из-за занавески приглядывала за улицей. Виктор Михайлович прогуливался и вполголоса болтал:

– Катюша, а вы знаете, что в нашей несчастливой отчизне существует целая культура устройства тайников и кладов. Забавная такая наука. Например, адвокат никогда не будет устраивать «дубок» в водосточной трубе, а нормальный мокрушник принципиально не делает нычку в холодильнике…

Катя изредка отпускала глубокомысленные «угу» и «ага». Майор принадлежал к тем людям, которым пустой треп по-

---

[8] Желто-голубой (*укр.*).

могает сосредоточиться. Виктор Михайлович тоже нервничал, это угадывалось по излишне длинным фразам. Конечно, сидеть на проваленной явке в компании с двумя «жмуриками» занятие малопочтенное и непродуктивное. Операция, задуманная так нестандартно для обычных действий в системах «кальки», не успев начаться, оказалась под угрозой срыва. Надо думать, сейчас майор напряженно размышлял о первопричинах неприятностей, в которые попала группа. Впрочем, размышления не мешали продолжать обыск. Результаты имелись – майор уже отыскал верхнюю одежду и конверт с фальшивыми документами. Теперь Виктор Михайлович, продолжая болтать, трудолюбиво отдирал наличник от дверного косяка.

– Ну вот, – кладоискатель вытер взмокшую лысину и принялся раскладывать на столе увесистые свертки. – Это мэне, это опять мэне, это – тэбе.

– И что это такое? Сувенирная зажигалка? – Катя содрала бечевку и пергамент и развернула маленький пистолетик. – Что с этим делать? На золотую цепочку пристегнуть и кулоном на шею повесить?

– А ты что, «357-й» «Дезерт Игл» хотела? Поручили человеку оружие для юной дамы раздобыть, он и расстарался. Смотри, какие накладочки симпатичные, перламутровые. Роскошь, а не оружие, – майор проверил и со щелчком загнал обратно в рукоять обойму доставшегося ему «кольта» «М1911». Принялся осматривать запасные обоймы.

– Может, поменяемся, раз тебе перламутр приглянулся? – безнадежно предложила Катя, разглядывая свой крошечный «Клеман».

– Ну, девушке положено благоговеть перед крупными предметами мужского рода. Но совсем не обязательно предметом культа должны быть именно пистолеты.

– Пошленько, – поморщилась Катя. – Как я понимаю, второй обоймы мне вообще не полагается?

– Ты что, продолжительный огневой контакт с использованием этой царь-пушки вознамерилась вести? – майор вскинул реденькие брови. – Не глупи. Мы тихие и мирные. «Наганы» протрем и здесь бросим.

– Зачем бросать? Неужели за нами по городу с дактилоскопическими уликами гоняться будут?

– Хрен их знает. Странно все складывается. Но «наганы» мы все равно не возьмем. Для скрытого ношения оружие неподходящее, цепляется за одежду как тройник шведской блесны. К тому же, если нас с таким арсеналом накроют, сразу к стенке поставят, как шпионов и злостных террористо-бомбистов. А так, если повезет, еще в камере отдохнем, лишний денек выгадаем.

– Мы что, рассматриваем возможность сдачи в плен?

– Мы все рассматриваем. Видишь ли, Катенька, задание должно быть выполнено в любом случае. Ибо важно оно беспредельно. Я тебе без дураков говорю, и вовсе не для поднятия боевого духа. Осознала?

– Осознала. Окончательно вы, товарищ майор, меня заинтриговали. Я так и буду ощупью за вами таскаться? Может, хоть краешек тайны мадридского двора приоткроете?

– С радостью! С готовностью! Только чуть позже, когда отсюда уберемся. Пока вот ознакомься, – Виктор Михайлович сунул напарнице паспорт.

– Екатерина Яковлевна Охрипкова, 1899 года рождения, из мещан, проживает Москва, 1-й Бабьегородский переулок, дом 5. Ой, что-то я катастрофически постарела.

– Это временно. Извини. С происхождением тоже накладочка вышла, – согласился Виктор Михайлович, встряхивая одежду. – С такими колдовскими глазами – бесспорно из дворян. Княжна, эта, хм, баронесса.

– Уймитесь, товарищ майор. Для меня только плащ отыскался?

– Похоже, остальное уперли хлопцы-националы. Надо думать, в отместку за грядущий газовый дефицит. Катенька, не ерзай, сейчас пойдем. Я еще раз кухню прочешу, – Виктор Михайлович в очередной раз переступил через скорчившегося на полу мертвеца и активизировал поиски.

Катя наблюдала за улицей, за редкими прохожими. Довольно лениво пробрел солдат с мятыми погонами на плечах – должно быть, посыльный. Погоны у воина были голубыми, но к какому он относился полку, Катя запамятовала. Вот черт, нужно было хоть неделю уделить подготовке. Сейчас что Добровольческая армия, что колчаковская – один черт.

И гетман Скоропадский? Он вроде бы этим летом от дел уже отошел? Или осенью? Впрочем, «кальку» сдвинули, вождя мирового пролетариата преждевременно ухлопали, соответственно, на точные данные «варианта-оригинала» опираться нельзя. Это только Витюша, счастливый в своем невежестве, рассчитывает в точности воплотить гениальный замысел своего руководства.

Виктор Михайлович чем-то зазвякал на кухне и вернулся в комнату с огромным закопченным и помятым чайником в руках.

– Хозяин-то наш был большая умница. Захоронку воском залил. Молодец, я и сам чуть не прохлопал, – майор принялся выковыривать из чайника застывший воск. Не без труда извлек большие, неопределенной формы, сгустки.

Денег оказалось прилично, в основном николаевские сотенные, но были для разнообразия и советские, и керенские. Отдельно нашелся тяжеленький сверток с золотыми империалами и полуимпериалами.

– Воистину, золотой был человек хозяин. Во всех смыслах. И пришли какие-то кизюки мизерные, зарезали ни за что ни про что, – майор неодобрительно посмотрел на труп. – Нет, нехорошие люди эти гетманцы. Все, Катюша, собирайся. Больше нам здесь ловить нечего.

Легкий светлый пыльник был Кате коротковат – торчали ноги в облезлых туфлях и неприлично мохрящийся подол платья.

– Ничего, – утешил Виктор Михайлович, шевеля покатыми плечами в новом непривычном пиджаке, – у меня тоже сорочка как с бомжа снята. Деньги есть, мигом приоденемся.

На Катю поглядывали. Какой-то мальчишка даже потащился следом. Виктор Михайлович, бодро прикрывающий полуголую грудь стареньким саквояжем, привлекал куда меньше внимания. Приличный пиджак и брюки вполне вписывались в местную моду.

– Вот, Катенька, такова участь красивых женщин. Все внимание им, драгоценным. Рядом хоть крокодил в тельняшке и кроссовках маршируй – и не глянут. Сейчас местечко найдем, вы передохнете, а я на рынок смотаюсь, прибарахлюсь.

– Угу. А дальше что?

– Дальше все чин-чином. В номера, то есть в гостиницу. Здесь есть одна приличная, рекомендовали обратиться туда.

– Значит, прокачивали вариант?

– Нет, не я лично. В конверте вместе с документами и инструкция с краткими рекомендациями имелась. Серьезный человек был хозяин, предусмотрительный. И как сам-то не уберегся? Вернемся, я за упокой его души обязательно пятьдесят грамм приму. И свечку поставлю. С того света ведь помог.

– Ему, конечно, спасибо, а как это вообще вышло, что явка накрылась? Ведь насколько я понимаю…

– Стоп, Катюша. Я пока сам ни насколько не понимаю. Поразмыслить нужно. Сейчас некогда, – майор ловко увлек девушку на едва заметную тропинку, и они оказались на заднем дворе полуразваленного дома.

– Здесь иногда дровишками промышляют, – Виктор Михайлович кивнул на вывороченные рамы окон и ободранное крыльцо. – Ну, сейчас не сезон. Сидите смирно, Катенька, не скучайте. Я скоренько. Если кто привяжется, смело посылайте «на». Лексикон у вас обширный, а, по легенде, вы не из смольных институток. Стрелять только в крайнем случае.

Майор исчез. Катя посидела на полусгнившей колоде, потом перешла в тень стены. Солнце припекало. Было спокойно, лишь в отдалении иногда слышался цокот копыт. Город, несмотря на свои приличные размеры, оказался городком провинциальным. Заброшенный двор сплошь захватил бурьян. Поразмыслив, Катя нашла местечко поуютнее, разостлала пыльник и легла.

Часы показывали половину шестого. Майор не появлялся, и Катя начала просчитывать варианты самостоятельных действий. Собственно, особых вариантов не было. С заданием, даже в общих чертах, девушка знакома не была. Придется поискать пропавшего Витюшу да и сматывать удочки. Претензий у руководства возникнуть не должно – использовали втемную, ну и радуйтесь. И вообще, жрать хотелось уже ощутимо. Перед Прыжком не завтракали, дабы избежать неприятной реакции со стороны желудка.

– Загораем? – Майор подкрался практически неслышно, но Катя небрежно сунула в карман пыльника вскинутый было пистолетик.

– Начеку, – одобрил Виктор Михайлович. – На предохранитель поставить не забыла? Это такая штучка сбоку. Шучу-шучу, не надо на меня так смотреть. Да, задержался, зато шопинг провел по всей программе, – майор воздел в руках вполне добротный чемоданчик и кожаный «докторский» саквояж. – Обувь, бельишко, платьице, мелочевочка – все приобретено первоклассное и фирменное. Никакого Китая и прочих сомнительных брендов.

– Обувь лучше было бы померить, – с сомнением сказала Катя.

– Завтра будет время, подберем еще получше, – жизнерадостно заверил майор. – Вообще-то у меня глаз точный. Идите, мадмуазель, в развалины, переодевайтесь. Только на какую-нибудь старую каку не наступите. Может, помочь, подержать-поддержать?

– Обойдусь, – пробурчала Катя. – С каких это пор я уже и мадмуазелью заделалась?

– С этих самых, – ухмыльнулся Виктор Михайлович. – Иди, моя драгоценная, только перед зеркалом долго не вертись. Нас отель ждет. Гостиница «Национальная», между прочим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.